

Сергей Цветков

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

16+

Сергей Цветков

Исторический калейдоскоп

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Цветков С. Э.

Исторический калейдоскоп / С. Э. Цветков — «ЛитРес:
Самиздат», 2021

В сборник исторических миниатюр вошли выразительные, но малоизвестные исторические эпизоды, относящиеся к разным странам и эпохам, сюжеты, которые производят наиболее сильное впечатление в «сжатом» виде. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

Античная тетрадь	5
Античный идеал старости	5
Античный гуманизм и его пределы	7
Самый скверный мальчишка в истории	11
Империя с молотка	13
С каких пор мы читаем «про себя»?	15
Когда появились христиане?	17
30 сребреников по нынешнему курсу	19
Рождение европейской лирики	21
Сафо, или Десятая муза	23
Армия, нашедшая свою заслуженную гибель	25
Христианство и культ императоров	26
Мумия, или Пародия бессмертия	29
Эпизоды истории	31
О сокровищах и подарках	31
На каком языке говорили крымские готы?	34
Что мы знаем о берсерках?	36
Вильгельм Завоеватель в Англии	41
Последние рыцари Европы	44
Людовик	45
Суды любви	47
Король и его «милашки»	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Цветков

Исторический калейдоскоп

Античная тетрадь

Античный идеал старости

В «Письмах» Плиния Младшего (Кн. III, 1) есть живописная зарисовка времяпровождения почтенного старца, римского вельможи Вестриция Спуринны. Судя по имени, он вёл происхождение от этрусского рода. Карьера его известна только отчасти. Он участвовал в гражданской войне 69 года; при Веспасиане воевал в Германии, где победил племя бруктеров, жившее в бассейне реки Эмс. За отважный переход по малоизвестным землям и полное усмирение варваров победителю была воздвигнута статуя на одной из площадей Рима. Трижды был консулом – честь редкая и мало кому достававшаяся.

После столь шумной и славной деятельности Спуринна удалился на покой и остаток дней прожил на своей вилле. К описываемому времени ему было около 80 лет. Год смерти и возраст, в котором он скончался, неизвестны.

Итак, слово Плинию Младшему (его адресат Кальвизий Руф):

«Не знаю, проводил ли я когда-нибудь время приятнее, чем недавно у Спуринны. Вот кто был бы мне образцом в старости, доживи я до неё! Какая размеренная жизнь! Строгая неизменность в движении светил и порядок в жизни людей, особенно старых, радуют меня одинаково... Можно мириться с беспорядочной сумятицей в жизни юноши, старикам к лицу спокойная упорядоченная жизнь: напрягать свои силы поздно, добиваться почестей стыдно.

Правило это Спуринна соблюдает неукоснительно; даже мелочи (но из мелочей складывается весь строй жизни) сменяются по порядку, как бы совершая круговорот. Утром он остаётся в постели, во втором часу¹ требует башмаки и совершает пешком прогулку в три мили (римская миля = 1480 м); и тело и душа после неё бодрее. Если с ним друзья, то завязывается беседа о предметах высоких; если никого нет, то ему читают, читают иногда в присутствии друзей, если их это чтение не тяготит. Затем он усаживается; опять книга и беседа, которая содержательнее книги; потом садится в повозку, берёт с собой жену (женщину примерную) или кого-либо из друзей, недавно меня. Как прекрасна, как сладостна эта беседа с глазу на глаз! сколько в ней от доброго старого времени! О каких событиях, о каких людях ты услышишь! какими наставлениями проникнешься! Хотя он по скромности и поставил себе правилом не выступать в роли наставника.

Проехав семь миль, он опять проходит пешком милью, опять садится или уходит к себе в комнату писать. Он пишет на обоих языках изысканные лирические стихи²: такие сладостно приятные, весёлые! Нравственная чистота автора придаёт им ещё большую прелесть. Когда приходит час бани (зимой это девятый, летом восьмой), он, если нет ветра, ходит на солнце обнажённым, затем долго с увлечением гоняется за мячом: он борется со старостью и таким

¹ День в древней Италии делился на 12 часов, начинался с солнечного восхода и заканчивался солнечным закатом. Поэтому римский час не был постоянной неизменной единицей времени, как у нас, а менялся в зависимости от времени года: зимой дневные часы были короче, чем летом, а ночные длиннее. Ночные часы зимой равнялись по длине дневным летним; ночные летние дневным зимним. Короче говоря, Спуринна вставал зимой между 8 и 9 часами, а летом около 7.

² Сохранилось четыре стихотворения, приписанных гуманистам Спуринне (Anthologia Latina, 918-921). Современные филологи считают их несомненной подделкой эпохи Возрождения.

упражнением³. Вымывшись, он ложится ненадолго перед едой и слушает чтение какой-нибудь лёгкой и приятной вещи. В течение всего этого времени друзья его вольны или делить время с ним, или заниматься чем угодно. Подаётся обед, изысканный и в то же время умеренный, на чистом (т. е. без чеканки. – С. Ц.) старинном серебре; есть и коринфская бронза,⁴ которой он любит, но не увлекается. Часто обед делают ещё приятнее разыгранные комические сценки; вкусная еда приправлена литературой. Обед захватывает часть ночи даже летом и никому не кажется долгим: так непринуждённо и весело за столом. И вот следствие такой жизни: после семидесяти семи лет ни зрение, ни слух у него не ослабели, он жив и подвижен; старость принесла ему только рассудительность».

Не знаю, как вам, друзья, а мне этот жизнерадостный, мощный старик, греющий на солнце свои ещё крепкие мускулы, побеждающий старость игрой в мяч, долгими прогулками и интеллектуальными развлечениями, – представляется воплощением и символом античной жизни. И эта жизнь на удивление современна нашей. Так легко представить себя на месте этого человека, как будто между нами не разверзлось двадцать столетий!

³ Спуринна строго придерживался требований римской гигиены. Ср. «...упражнение всегда должно предшествовать еде... хорошими упражнениями будут: громкое чтение, фехтование, игра в мяч... прогулка... лучше под открытым небом, чем в портике; лучше, если выдерживает голова, на солнце, а не в тени... за упражнениями должна следовать баня» (наставления римского учёного и врача Авла Корнелия Цельза).

⁴ Коринф славился своей посудой, изготовленной из особого сплава, в состав которого входили медь, золото и серебро. Коринфская бронза ценилась очень высоко, и любители платили за нее огромные деньги.

Античный гуманизм и его пределы

«Письма Плиния Младшего» рисуют нам привлекательный портрет одного из лучших людей своего времени (рубеж I—II веков).

Вот его обычный день – в летнем безмолвии роскошной мраморной виллы:

«Плиний Фуску привет.

Ты спрашиваешь, каким образом я распределяю свой день в этрусском поместье. Просыпаюсь, когда захочу, большей частью около первого часа,⁵ часто раньше, редко позже. Окна остаются закрыты ставнями; чудесно отделённый безмолвием и мраком от всего, что развлекает, свободный и предоставленный самому себе, я следую не душой за глазами, а глазами за душой: они ведь видят то же, что видит разум, если не видят ничего другого. Я размышляю над тем, над чем работаю, размышляю совершенно как человек, который пишет и исправляет, – меньше или больше, в зависимости от того, трудно или легко сочинять и удерживать в памяти. Затем зову секретаря и, впустив свет, диктую то, что оформил. Он уходит, я вновь вызываю его и вновь отпускаю. Часов в пять-шесть (время точно не размерено) я – как подскажет день – удаляюсь в цветник или в криптопортик (крытая колоннада со стенами с двух сторон, в которых имелись окна), обдумываю остальное и диктую. Сажусь в повозку и занимаюсь в ней тем же самым, чем во время прогулки или лежания, освежённый самой переменой. Немного сплю, затем гуляю, потом ясно и выразительно читаю греческую или латинскую речь не столько ради голоса, сколько ради желудка⁶; от этого, впрочем, укрепляется и голос. Вновь гуляю, умащаюсь, упражняюсь, моюсь.

Если я обедаю с женой и немногими другими, то читается книга, после обеда бывает комедия и лирик; потом я гуляю со своими людьми, среди которых есть и образованные. Разнообразные беседы затягиваются на целый вечер, и самый длинный день скоро кончается.

Иногда в этом распорядке что-нибудь меняется: если я долго лежал или гулял, то после сна и чтения я катаюсь не в повозке, а верхом (это берет меньше времени, так как движение быстрее). Приезжают друзья из соседних городов, часть дня отбирают для себя и порою своевременным вмешательством помогают мне, утомлённому. Иногда я охочусь, но не без табличек (записной книжки), чтобы принести кое-что из литературной добычи, если ничего и не поймал. Уделяется время и колонам (по их мнению, недостаточно): их вечные деревенские жалобы заставляют меня ещё сильнее любить нашу литературу, наши городские дела. Будь здоров».

В этих строках узнаешь обычную и для нас ткань повседневности. Изменились лишь узоры.

Молодость Плиния пришлась на худшую эпоху римского цезаризма, о которой он сохранил самые тягостные воспоминания. Вот как изображает он страшные времена императора Домициана в письме к философу Аристону: «тогда добродетель была подозрительной; порочность всеми уважаемой; никакой власти у начальников, никакой дисциплины в войсках; все человеческое поругано; хотелось одного, как можно скорее забыть то, что видел».

Императора Домициана обожествляли, ему приносились жертвы, как Богу. Знаменитые политики и ораторы пресмыкались у трона, чтобы снискать его благосклонность и не навлечь на себя его гнев. Гражданское мужество и личное достоинство считались преступлением; граж-

⁵ День в древней Италии делился на 12 часов, начинался с солнечного восхода и заканчивался солнечным закатом. Поэтому римский час не был постоянной неизменной единицей времени, как у нас, а менялся в зависимости от времени года: зимой дневные часы были короче, чем летом, а ночные длиннее. Ночные часы зимой равнялись по длине дневным летним; ночные летние дневным зимним.

⁶ Энциклопедист Цельз, живший в первой половине I в. н. э., пишет в своей «Медицине» (I, 8): «страдающий желудком должен громко читать».

дан, заподозренных в том или другом, изгоняли. Эпоха воспитывала в лучших людях Рима презрение к отечеству, а многим оставляла единственный выход – добровольное самоубийство.

Плиний перенёс ужасные времена достойно. Он не дрожал от страха и ни разу не унился до лести, оставшись верен себе и своим друзьям, даже тем из них, кто подвергся опале.

Однако же автор «Писем» – отнюдь не герой, а просто «хороший человек» с неплохими литературными задатками, который не лезет на рожон, но имеет высокое представление о человеческом достоинстве. Он не питает никакого интереса к цирковой бойне:

«Наши гладиаторские игры, – пишет он как настоящий христианский проповедник, – развратили нравы всех народов. Эта болезнь распространилась всюду из Рима, как из главы империи. А ведь именно те болезни, которые начинаются с головы, наиболее опасные в человеческом, как и в государственном теле».

Он умеет радоваться обычным житейским мелочам и готов делиться своей радостью с другими людьми. Однажды он приобрёл небольшую, но драгоценную статую – «Сатира», настоящее сокровище из настоящей коринфской бронзы, великолепной работы. Его письма друзьям по этому поводу исполнены живейшей радости и таких подробностей, словно он вознамерился запечатлеть в словах каждую линию изящного бронзового тела. А после этого он жертвует купленную за огромные деньги статую на украшение храма Юпитера в родном городе Комо, чтобы все могли насладиться прекрасным.

Кроме того, на собственные деньги он основывает школы и библиотеки – «в знак любви к своему дорогому отечеству».

У Плиния есть настоящая доброта. Без ложного смирения умеет он быть снисходительным к людям и прощать. Его благосклонность к ближним естественна и нимало не наиграна: «Я считаю самым лучшим и самым безупречным человека, который прощает другим так, словно сам ежедневно ошибается, и воздерживается от ошибок так, словно никому не прощает. Поэтому и дома, и в обществе, и во всех житейских случаях давайте придерживаться такого правила: будем беспощадны к себе и милостивы даже к тем, кто умеет быть снисходительным только к себе».

В одном письме Плиний сообщает, что позволил своим рабам подписывать завещания, которые он так же свято соблюдает, как если бы они были написаны свободными людьми. Он признаётся, что любит слуг, как родных, и смерть каждого из них огорчает его, как потеря близкого человека. «Я вижу, как мягок ты со своими рабами; тем откровеннее признаюсь тебе, как я снисходителен к своим, – пишет он Валерию Павлину и далее сообщает об отпущеннике Зосиме, страдающем горловыми кровотечениями: «Поэтому я и решил отправить его в твоё поместье около форума Юлия. Я часто слышал от тебя, что там здоровый воздух и молоко, особенно пригодное для лечения такой болезни. Напиши, пожалуйста, твоим, чтобы они приняли его и доставляли ему на его деньги, что ему потребуется; потребуется, конечно, и врач. Он настолько бережлив и умерен, что отказывает себе не только в приятном, но и в необходимом для здоровья. Я дам ему на дорогу столько, сколько достаточно едущему к тебе».

Эта жалость к рабам, стремление увидеть в них человеческую личность – новая черта, которая развилась самостоятельно и независимо от христианства среди лучших людей языческого Рима.

И всё же в то время существовала большая группа людей, на которую не распространялся гуманизм Плиния и вообще античного мира – христиане.

В 111 году Плиний был послан Траяном в качестве римского проконсула для управления областями Вифинией и Понтом, то есть всей северной частью Малой Азии. Эта провинция долгое время управлялась весьма дурно, и Плиний с усердием принялся восстанавливать в ней римский закон и порядок. Во имя него истреблялись последние независимые проявления народной жизни, так как император Траян, опасаясь тайных противоправительственных обществ, запрещал всякие, даже самые безобидные в политическом отношении, «гетерии», то

есть товарищеские союзы, братства, артели с невинными или полезными целями, как например общества, учреждённые для охраны от пожаров, или установленные для празднования местных и семейных торжеств. Плиний беспрекословно и безропотно исполнял суровую волю цезаря.

Местные христианские общины, в которых властям виделись призраки злонамеренных гетерий, также подверглись гонениям. Доносы становились все многочисленнее, и Плиний нашёл нужным обратиться к самому императору:

«Я никогда не присутствовал на следствиях о христианах: поэтому я не знаю, о чем принято допрашивать и в какой мере наказывать. Не мало я и колебался, есть ли тут какое различие по возрасту, или же ничем не отличать малолеток от людей взрослых: прощать ли раскаявшихся или же человеку, который был христианином, отречение не поможет, и следует наказывать само имя, даже при отсутствии преступления, или же преступления, связанные с именем.⁷

Пока что с теми, на кого донесли как на христиан, я действовал так. Я спрашивал их самих, христиане ли они; сознавшихся спрашивал во второй и третий раз, угрожая наказанием; упорствующих отправлял на казнь. Я не сомневался, что в чем бы они ни признались, но их следовало наказывать за непреклонную закоснелость и упрямство. Были и такие безумцы,⁸ которых я, как римских граждан, назначил к отправке в Рим. Затем, пока шло разбирательство, как это обычно бывает, преступников стало набираться всё больше, и обнаружались случаи разнообразные.

Мне был предложен список, составленный неизвестным и содержащий много имён. Тех, кто отрицал, что они христиане или были ими, я решил отпустить, когда они, вслед за мной, призвали богов, совершили перед изображением твоим, которое я с этой целью велел принести вместе со статуями богов, жертву ладаном и вином, а кроме того, похулили Христа: настоящих христиан, говорят, нельзя принудить ни к одному из этих поступков.

Другие названные доносчиком сказали, что они христиане, а затем отреклись: некоторые были, но отпали, одни три года назад, другие много тому лет, некоторые лет тому двадцать. Все они почтили и твоё изображение, и статуи богов и похулили Христа.

Они утверждали, что вся их вина или заблуждение состояли в том, что они в установленный день (воскресенье) собирались до рассвета, воспевали, чередуясь, Христа как бога и клятвенно обязывались не преступления совершать, а воздерживаться от воровства, грабежа, прелюбодеяния, нарушения слова, отказа выдать доверенное. После этого они обычно расходились и сходились опять для принятия пищи, обычной и невинной, но что и это они перестали делать после моего указа, которым я, по твоему распоряжению, запретил тайные общества. Тем более счёл я необходимым под пыткой допросить двух рабынь, называвшихся служительницами (диаконисами), что здесь было правдой, и не обнаружил ничего, кроме безмерного уродливого суеверия.

⁷ «В процессах против последователей чужеземных культов (Ваал, религия галлов) осуждались не самые культы, а преступления, с ними связанные (человеческие жертвоприношения у друидов, например). «Преступления» – *flagitia* – считались связанными с данным культом. Христиан обвиняли в преступлениях чудовищных, в убийствах младенцев, поедании их мяса, свальном грехе. Что эти обвинения, широко распространенные среди языческой черни, находили какой-то отклик и среди образованного класса, доказывает отзыв Тацита о христианах: секта «пагубная», «навлекшая своими мерзостями всеобщую ненависть» (Анн. 15, 44) и Светония: «люди, преданные новому и злоторному суеверию» (Нер. 16, 2). Ответ Траяна свидетельствует, что император этим наветам не верил» (Плиний Гай. Письма Плиния Младшего, Панегирик императору Траяну. М.: Наука, 1982. С. 385).

⁸ «Римский консул мог приносить жертву Юпитеру Капитолийскому, совершенно не веря в его существование: он исполнил свой долг римского гражданина и магистрата – и только. К тому, во что он верил, это не имело никакого касательства. Другое дело христианин, уверовавший в «Бога Живого» (Is. 56, 8), который дал ему право называть его Отцом (Матф. VI, 8, 15), обещал победу над смертью и жизнь бесконечную. Новая вера становилась содержанием жизни, опорой и утешением. Судья и подсудимый жили в совершенно разном мире мыслей и чувств: для Плиния не захотевший отречься – «безумец», а «безумец» убежден, что своим отказом он сохранил себя для Христа и жизни вечной» (Там же).

Поэтому, отложив расследование, я прибегаю к твоему совету. Дело, по-моему, заслуживает обсуждения, особенно вследствие находящихся в опасности множества людей всякого возраста, всякого звания и обоих полов, которых зовут и будут звать на гибель. Зараза этого суеверия прошла не только по городам, но и по деревням и поместьям, но, кажется, Ее можно остановить и помочь делу».

На это длинное послание Траян ответил следующей краткой запиской:

«Ты поступил как должно, любезный Плиний, с теми, которые подверглись обвинению в христианском суеверии. В подобных делах нельзя установить какого-нибудь общего правила, которое имело бы вполне определённую форму. Разыскивать их не следует. Если призовут в судилище и обвинят, должно наказывать; однако тех, кто будет отрицать свою принадлежность к христианам и подтвердит своё отречение, поклонившись нашим богам, следует прощать и миловать, как бы ни были подозрительны их прежние действия. Впрочем, неподписанных доносов ни в каком случае не принимать. Это было бы дурным примером и несвойственно духу нашего века».

Поучительная и горькая картина. Человек, чьё сердце обладало даром безыскусственной доброты, проявляющий чисто христианское милосердие к рабам, гладиаторам, вольноотпущенникам, искренний патриот, основатель школ и библиотек, недрогнувшей рукой подписывает указы об арестах невинных людей и обрекает на пытку двух несчастных диаконов – и ради чего? Чтобы с философским презрением услышать из их уст «уродливое суеверие». Человечность отступает всякий раз, когда дело затрагивает интересы власти – эта истина, увы, остаётся неизменной во все времена.

Самый скверный мальчишка в истории

16 мая 218 года очередным римским императором был провозглашён знатный 14-летний юноша Бассиан Варий Авит – жрец финикийского бога солнца Гелиогабала (Эль-Габала). Под именем своего бога он и вошёл в историю. Правда, отнюдь не с божественным ореолом.

Гелиогабал по отцу принадлежал к сирийскому аристократическому роду Вариев. Его прадед, дед и отец были жрецами Эль-Габала. С материнской стороны Бассиан состоял в родстве с императорской фамилией: его бабка, Юлия Меса, была родной сестрой Юлии Домны, супруги императоров Септимия Севера и Каракаллы. Мать будущего императора, Юлия Созмия, в юности состояла в любовной связи с Каракаллой, и говорили, что сын её родился именно от младшего Севера, а не от законного супруга.

Бассиан считался красивейшим из всех юношей своего времени. Когда он священнодействовал и плясал у алтарей под звуки флейт и свирелей, на него собирались смотреть толпы народа.

Этот легкомысленный юнец со смазливой физиономией сразу ошарашил Вечный город подозрительными новшествами и личными странностями.

Новшества заключались, говоря современным языком, в «смене цивилизационного курса».

Новый император добивался того, чтобы в Риме почитался только один бог – Эль-Габал. На Палатинском холме вблизи дворца для Эль-Габала был построен храм, который должен был стать главной святыней Рима. Гелиогабал повелел, чтобы сюда перенесли всё, что глубоко чтит римляне: лепное изображение Матери богов, огонь Весты, Палладий, священные щиты и т. д. Он мечтал также, чтобы в храме совершались религиозные обряды иудеев, а равно и христианские богослужения для того, чтобы жречество Эль-Габала держало в своих руках все тайны культов. Всех остальных богов он называл служителями и рабами своего бога.

Чтобы понять, как на это смотрели римляне, следует помнить, что Эль-Габал был бог поверженного Карфагена. Кроме того, этому божеству приносили человеческие жертвы, от которых Рим давно отвык. Каждое утро юный император-священник закалывал и возлагал на алтари гекатомбы быков и огромное число мелкого скота, нагромождая различные благовония и изливая перед алтарями много амфор превосходного вина. Затем он пускался в бурный танец под звуки кимвалов и тимпанов, вместе с ним плясали женщины, его соплеменницы, а всадники и сенат стояли кругом как зрители. Не гнушался он и человеческими жертвами, заклал в честь Эль-Габала нескольких знатных и красивых мальчиков.

В общем, почитание Эль-Габала в Риме было равносильно, например, культу Адольфа Гитлера в нашей стране.

Что касается извращённых личных привычек, то тут юный император сумел удивить даже выдавших виды жителей столицы мира. Он открыто провозгласил, что в качестве императора желает нести только одно бремя – бремя наслаждений. И нёс его с явным удовольствием: ходил по настилу из лепестков роз, возлежал на ложе, устланном пухом куропаток. К его столу подавали пятки верблюдов, гребни петухов, языки павлинов и соловьёв.

Роскошь и мотовство императора доходили до таких пределов, свидетельствует Лампридий, что он ни разу в жизни не надел дважды одну и ту же одежду и даже одни и те же драгоценности. Утверждали также, что он ни разу не помылся дважды в одной и той же бане, приказывая после мытья ломать их и строить новые. Испражнялся он только в золотые сосуды, купался исключительно в водоёмах, заполненных душистыми мазями или эссенцией шафрана, а для согревания своих апартаментов распорядился жечь индийские благовония без угольев.

Но всё это ещё полбеда. Специальные рассылные разыскивали для императора в общественных банях людей с большими половыми органами. Своих любовников Гелиогабал делал

потом консулами, префектами, наместниками и военачальниками. А потом император вдруг стал краситься, как женщина, вступил в брак со своим любовником Зотиком и начал разъезжать по Риму в колеснице, запряжённой обнажёнными куртизанками.

И однажды терпение римлян лопнуло, армия провозгласила императором соправителя Гелиогабала – его двоюродного брата по имени Александр. Гелиогабал был убит (март 222 г.); труп его бросили в Тибр и навсегда запретили упоминать его имя. Именно этот загадочный юноша, а не Калигула или Нерон заслужил славу самого скверного римского императора.

Империя с молотка

Предыстория этого самого необычного в истории аукциона такова.

31 декабря 192 года наступает бесславный конец славной династии Антонинов. Заговорщики убивают Коммода – недостойного сына достойнейшего из императоров, правителя-философа Марка Аврелия. Ему дают яд, а затем для верности душат.

По общему желанию Сената и народа престол переходит к Пертинаксу. Это один из немногих соратников Марка Аврелия, пощаждённых Коммодом. В то время ему уже далеко за 60 и за плечами у него немалый военный и административный опыт.

Пертинакс намеревается искоренить в Риме зло тирании. Он запрещает солдатам обижать граждан, наводит порядок в судах, отменяет бесчисленные пошлыны, преследует доносчиков, устанавливает мир на границах империи.

Радости римлян нет предела. Им кажется, что возвращается «золотой век» Антонинов, сулящий благосостояние, безопасность и счастье.

Увы, правлению Пертинакса не суждено продлиться и трёх месяцев.

Преторианцев бесит, что вместо новых побрякушек им запрещается грабить и своевольничать. Ужесточение дисциплины они принимают за унижение и бесчестье.

И вот, 28 марта 193 года среди бела дня в императорский дворец вваливается триста рассвирепевших солдат с обнажёнными мечами и поднятыми копьями. Прислуга в страхе разбегается. Седовласый император выходит к мятежникам с увещательными словами. Его речь так убедительна, что на минуту кажется – волнение вот-вот утихнет. Но тут голос Пертинакса заглушает чей-то злобный крик, несколько гвардейцев бросаются на безоружного старика. Сверкающие клинки обагрятся кровью, голова Пертинакса взмывает над толпой, насаженная на копьё – всё кончено...

Когда в Риме узнают о случившемся, тысячи людей выходят на улицы, чтобы отомстить убийцам. Преторианцы отступают в свой лагерь и запирают ворота. По прошествии двух дней народная ярость мало-помалу стихает.

И вот тут империя переживает величайший, неслыханный позор. Начинается беззастенчивый торг троном цезарей.

Увидев, что «народ успокоился и никто не осмеливается мстить за кровь государя», пишет историк Геродиан, преторианцы стали громко кричать со стен лагеря «о продаже императорской власти, обещая вручить власть тому, кто даст больше денег, и с помощью оружия беспрепятственно привести его в императорский дворец».

На этот постыдный призыв откликнулись всего два человека. Наиболее проворным оказался сенатор Дидий Юлиан – тщеславный толстосум, успевший побывать консулом. Известие о продаже императорской власти застало его на вечернем пиру. Подбадриваемый своими родными и сотрапезниками, он сломя голову полетел к лагерю преторианцев. Подойдя к стене, сказал все, что они хотели услышать. У него есть деньги, много денег, целые сокровищницы, наполненные золотом и серебром. Они получают столько, сколько пожелают.

В это время к лагерю прибыл и второй участник торгов – префект Рима Сульпициан, тесть убитого Пертинакса. Обезображенный труп зятя не остудил его разгорячённое честолюбие. Но воины не прислушались к его предложениям, опасаясь, что, сделавшись императором, он покарает их за убийство Пертинакса.

Спустив лестницу, они подняли на стену Юлиана и потребовали: прежде чем перед ним отворятся ворота лагеря, он должен объявить цену, за которую приобретает власть. Юлиан обещал выдать каждому солдату 16-тысячного преторианского корпуса по 25000 сестерциев (6250 денариев), что составляло их 5-летнее жалование. Вся сумма была эквивалентна 450

тоннам серебра. О таком богатстве они даже не мечтали. Юлиан тут же был провозглашён императором.

Судьба позаботилась о том, чтобы конец этой истории был выдержан тоже в аукционном духе. Несостоятельного участника торгов лишают прав на выигранный лот. Юлиан, придя к власти, обнаружил, что государственная казна пуста, а его собственный карман был всё-таки не настолько туго набит деньгами, чтобы сдержать данное преторианцам обещание.

Перед лицом таких неожиданностей новоиспечённый император не нашёл ничего лучше, как погрузиться в нескончаемую попойку.

Похмелье наступило 1 июня 193 года, когда в Рим вошли легионы наместника Паннонии Септимия Севера, который действовал под видом мстителя за убитого императора и даже принял его имя. Юлиан был умерщвлён – то ли людьми Севера, то ли преторианцами, то ли по приказанию Сената.

Он царствовал всего 66 дней и вошёл в историю как человек, заключивший, пожалуй, самую невыгодную сделку.

С каких пор мы читаем «про себя»?

Когда-то чтение было довольно шумным занятием. Ещё во II веке н. э. оно означало декламацию: читали всегда вслух.

Вот несколько отрывков из Лукиана Самосатского («Неучу, который покупал много книг»), которые удостоверяют это:

«2. Ты во все глаза глядишь на свои книги, просто, Зевсом клянусь, обедаешься ими, а некоторые даже читаешь, хоть и слишком торопливо, так что глаза все время опережают язык.

7. Ты не видишь, что то же самое, конечно, происходит и с тобой, когда ты держишь в руках прекраснейшую книгу, облечённую в пурпурную кожу, с золотой застёжкой, а читаешь её, позорно коверкая слова, так что люди образованные потешаются над тобой, состоящие же при тебе льстецы славословят, а про себя, отвернувшись, также смеются немало.

19. Димитрий-киник, будучи в Коринфе, увидел, как один невежественный человек читал прекраснейшую книгу, – а именно «Вакханки» Еврипида, – дойдя как раз до того места, когда вестник рассказывает о страданиях Пенфея и поступке, совершенном Агавой. Димитрий вырвал у него книгу и разорвал её, заявив: «Лучше Пенфею быть однажды растерзанным мной, чем тобой – многаяжды».

28. Но если ты все же решил пребывать неизменно в своём недуге, то иди, покупай книги, держи их дома под замком и пожидай лавры владельца. Довольно с тебя и этого. Но не прикасайся к ним никогда, не читай, не унижай своим языком слов, сказанных мужами древности, и их творений, которые тебе ничего плохого не сделали».

Учёные полагают, что чтение вслух помогало лучше вникать в смысл – так как в те времена не было общепринятых знаков пунктуации и даже разделения слов. Я думаю, к этому можно добавить, что поэзия, художественное слово вообще, издревле воздействовало прежде всего на слух – отсюда такое внимание древних к ритму и стилю как поэтической, так и прозаической речи.

По счастливой случайности, история сохранила то мгновение, с которого можно условно начать отсчёт процесса (вероятно, длительного) отказа от декламации и перехода к чтению «глазами», «про себя».

Святой Августин в молодости (до 364 г.) был учеником святого Амвросия, епископа Медиоланского. Когда, тридцать лет спустя, уже пожилым человеком, он писал свою «Исповедь», то перед его внутренним взором всё ещё стояло необычное зрелище:

«Когда Амвросий читал, он пробегал глазами по страницам, проникая в их душу, делая это в уме, не произнося ни слова и не шевеля губами. Много раз – ибо он никому не запрещал входить и не было обыкновения предупреждать его о чём-то приходе – мы видели, как он читает молча, всегда только молча...»

Человек, молча склонившийся над книгой... Ученики недоумевали о таком поведении учителя и пытались найти ему объяснение:

«Немного постояв, мы уходили, полагая, что в этот краткий промежуток времени, когда он, освободившись от суматохи чужих дел, мог перевести дух, он не хочет, чтобы его отвлекали, и, возможно, опасается, что кто-нибудь, слушая его и заметив трудности в тексте, попытается объяснить тёмное место или вздумает с ним спорить, и тогда он не успеет прочитать столько томов, сколько хочет. Я полагаю, он читал таким образом, чтобы беречь голос, который у него часто пропадал. Во всяком случае, каково бы ни было намерение подобного человека, оно, без сомнения, было благим».

Последние слова св. Августина показывают, что на рубеже IV—V веков молчаливое чтение все ещё нуждалось не только в объяснении, но даже в оправдании.

Искусство читать про себя, пишет Борхес, который упоминает этот эпизод в одном из своих эссе, преобразило литературу, привело к господству письменного слова над устным, а читателя оставило наедине с автором.

Когда появились христиане?

Речь пойдёт о названии последователей Иисуса Христа его именем.

Первое время после Распятия последователи нового учения называли себя «верующими», «верными», «святыми», «братьями», «учениками», но официального и общепринятого названия для них не существовало. Иудеи называли их «назарейми», вероятно потому, что Иисуса они обыкновенно называли «Нап-nasri» или «Нап-nosri» – «Назорей» (название «галилеяне» ещё более позднего происхождения; его пустил в свет император Юлиан Отступник, придав ему официальный характер и вместе с тем насмешливый и презрительный оттенок).

Так обстояли дела, когда в самом начале 40-х годов в Антиохию прибыл апостол Павел.

Антиохия, «столица Востока», была третьим по величине городом тогдашнего мира и центром христианства Северной Сирии. В ней насчитывалось, по разным оценкам, от 200 до 500 тысяч жителей. Здесь же находилась и резиденция римского наместника Сирии.

Антиохийская церковь была обязана своим возникновением нескольким верующим, родом из Кипра и Кириинеи, которые много проповедовали в Антиохии как евреям, так и грекам (Деян. 11:19 и сл.). Распространению новых идей способствовало, быть может, землетрясение 23 марта 37 года, причинившее крупные повреждения городу. Всех так или иначе тянуло к сверхъестественному (весь город говорил о некоем шарлатане по имени Деворий, который уверял, что может не допустить повторения такого несчастья при помощи талисманов). Благодаря всему этому, проповедь христианства имела в Антиохии громадный успех.

По свидетельству «Деяний апостолов», именно в Антиохии народился термин: christianus – «христианин»: «Целый год собирались они (апостолы Павел и Варнава. – С. Ц.) в церкви и учили немалое число людей, и ученики в Антиохии в первый раз стали называться Христианами» (Деян. 11:26).

Согласно Э. Ренану («Апостолы», гл. XIII), латинское, а не греческое окончание этого слова, по-видимому, указывает на то, что название «христиане» было дано сектантам римскими властями как полицейская кличка, вроде того, как говорили тогда: herodiani, pompeiani, caesariani (геродиане, помпеяне, цезариане – названия политических партий и групп).

Во всяком случае, несомненно, что это название было придумано язычниками. Своим происхождением оно обязано недоразумению: давшие его предполагали, что Христос, Christus, – перевод еврейского слова Мессия, Maschiah, – имя собственное. Люди, мало осведомлённые с ходом еврейских и христианских идей, полагали даже, что Christus или Chrestus (Христос), глава секты, ещё жив (об этом пишет Светоний). Простонародное произношение этого слова было: chrestiani.

Сами последователи Иисуса приняли данное им название и стали считать его почётным: «Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как Христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь» (1 Пётр. 4:16); «Послушайте, братья мои возлюбленные: не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его? А вы презрели бедного. Не богатые ли притесняют вас, и не они ли влекут вас в суды? Не они ли бесславят доброе имя, которым вы называетесь?» (Иак. 2:7).

Святой Кассиан

–

учитель, замученный учениками

Учителя, насколько мне известно, не имеют своего небесного покровителя. И если кто-нибудь когда-нибудь захочет такового поискать, то я рекомендую обратить внимание на святого Кассиана из Имолы. Фигура символическая, жертвенная. Но жертва это особая.

Кассиан (ок. 240 года – 303 или 305 год) был епископом римской Имолы – терракотового городка в 40 км от Болоньи. В те времена поселение называли Форум Корнелия. Под названием Имола город впервые упомянут в VII столетии.

В начале V века Форум Корнелия посетил римский поэт Пруденций. Среди прочих христианских святынь и достопримечательностей он осмотрел и гробницу епископа Кассиана. Над гробницей было помещено изображение мученика, которого мальчики пронзали стилосами (заострённые стержни для письма на вощёных табличках). Сторож гробницы объяснил поэту, что Кассиан преподавал чтение и письмо в начальной школе (*magister litterarum*). Ученики не любили его за строгость и придирчивость. Когда начались преследования христиан, Кассиан отказался поклоняться языческим богам, был схвачен и приведён к судье, который отдал его для расправы ученикам, чтобы они отомстили наставнику за строгие наказания. Дети кололи мученика стилосами, пока он не истёк кровью.

Вдохновлённый этим рассказом, Пруденций увековечил мучения Кассиана в поэме из цикла «О венцах мучеников».

«Вся ненависть, – пишет Пруденций, – которую каждый накапливал втайне, вылилась теперь в безумную ярость. Одни царапают ему лицо и бьют по щекам тонкими дощечками для письма...

Другие колют его остриями палочек. Они разрывают, раздирают кожу и мясо служителя Христова. Две сотни рук одновременно ранят тело его, и из каждой раны льётся кровь. Ребёнок, лишь царапающий кожу, – палач более жестокий, нежели тот, кто пронзает глубоко, до самых внутренностей, ибо ранящий слегка знает, что, оттягивая смерть мученика, увеличивает его страдания. "Ты чего стонешь, учитель? – кричит один из учеников. – Ты же сам дал нам эти палочки с острыми железными концами, сам дал оружие нам в руки. Сегодня ты получаешь сполна за те тысячи букв, что писали мы, стоя в слезах перед тобою, под твою диктовку. Не сердись же за то, что мы пишем теперь на твоей коже: ты сам учил нас – стило должно постоянно быть в действии. Мы больше не просим отдыха, ты столько раз отказывал нам. Теперь мы практикуемся в каллиграфии на твоём теле. Ну-ка давай, исправь наши ошибки; накажи нас, если буквы выведены неаккуратно".

И так издевались дети над своим учителем, чья кровь лилась широким потоком, питаемым родниками пронзённых вен, жизненными соками внутренностей».

Пруденций кончает гимн, «воспевая хвалу Касьяну, обнимая его гробницу, согревая губами его алтарь...»

После исследования мощей Кассиана в 2003 году наиболее вероятной причиной смерти названы проникающие ранения головы, нанесённые острыми предметами разного диаметра (не менее 2 отверстий в черепе). По мнению экспертов, занесённая инфекция вызвала менингеальную реакцию, в результате чего Кассиан умер примерно через месяц⁹. В связи с полученными данными некоторые исследователи склоняются к признанию достоверности сведений, приведённых Пруденцием¹⁰.

⁹ *Facchini F., Fulcheri E., Belcastro M. G.* Esame antropologico dei reperti attribuiti a S. Cassiano (Imola) // *Divo Cassiano*. 2004.

¹⁰ *Briguglio F.* Il martirio di S. Cassiano: Considerazioni giuridiche sulla sua condanna // *Ibid.* P. 141—152.

30 сребреников по нынешнему курсу

(для начинающих хриstopродавцев)

Однажды на Страстной неделе некий проповедник оговорился и сказал, что Иуда продал Христа не за 30 сребреников, а за 40... Стоящий в народе купец наклонился к своему приятелю и промолвил:

– Это, стало быть, по нынешнему курсу...

Церковный анекдот XVIII века

Эта круглая сумма известна каждому. Она уже давно приобрела нарицательный смысл. Именно поэтому сегодня мало кто представляет ее реальную ценность в израильском обществе I века.

Однако, прежде всего следует оговориться, что настоящей суммы, за которую Иуда продал своего Учителя, мы никогда не узнаем. 30 сребреников вложены в руки Иуды лишь для того, чтобы задним числом оправдать ветхозаветное пророчество из Книги пророка Захарии (гл. 11: 11—13): «Тогда узнают бедные из овец, ожидающие Меня, что это слово Господа. И скажу им: если угодно вам, то дайте Мне плату Мою; если же нет, – не давайте; и они отвесят в уплату Мне тридцать сребреников. И сказал мне Господь: брось их в церковное хранилище, – высокая цена, в какую они оценили Меня! И взял я тридцать сребреников и бросил их в дом Господень для горшечника».

Не случайно, 30 сребреников в оплату предательства Иуды упоминаются только в Евангелии от Матфея (26:15): «И сказал: что вы дадите мне, и я вам предаю его? Они предложили ему тридцать сребреников», в Евангелии от Марка (14:11), самом древнем из четырёх, конкретная сумма не указана: «Они же, услышав, обрадовались и обещали дать ему сребреники», в Евангелии от Луки (22:5) говорится только: «Они обрадовались и согласились дать ему денег», а в Евангелии от Иоанна вообще не сказано, что предательство оплачивалось.

Не секрет, что многие места евангельской биографии Иисуса целиком обусловлены соответствующими пророчествами из Ветхого Завета. В тексте Евангелий все эти места отмечены, и их смело можно относить к литературному вымыслу. Эпизод с 30 сребрениками – из их числа.

Но дело не в этом, а в том, чтобы понять, какие финансово-экономические ассоциации 30 сребреников вызывали у первых читателей Евангелий.

Сребреник, фигурируемый в Евангелиях, обыкновенно отождествляют с серебряным шекелем (сиклем, по-греч. – статир). В Библии слово кесеф (серебро, сребреник) употребляется иногда как синоним выражения «шекель серебром» (Быт. 37:28; Суд. 9:4; 17:4; II Сам. 18:11). Причём во времена Второго храма (конец VI в. до н. э. – 70 г. н. э.) в ходу был шекель, который фактически был полушекелем. Этот облегчённый «священный шекель» (весом в 13—14 г серебра) составлял ежегодный налог каждого еврея на Храм.

Таким образом, 30 сребреников равняются примерно 400 г серебра.

Что можно было купить в Иудее I века за эти деньги?

В Книге Исхода (глава 21:28—32) 30 сребреников – это штраф в пользу хозяина за раба или рабыню, которых насмерть забодал чужой вол (часто эту сумму неправильно трактуют как цену раба).

Шекель равнялся по весу четырём денариям или четырём драхмам. Греки называли шекель – «тетрадрахма».

30 сребреников, стало быть, были равны 120 денариям. Денарий платили в день солдату или наёмному работнику. Таким образом, речь может идти о тогдашней «средней заработной плате» за 4 месяца.

Иуда оценил благоволия, потраченные Магдалиной на Иисуса, в 300 динариев. Это в 2,5 раза больше тридцати сребреников.

В Евангелии сказано также, что после самоубийства Иуды на полученные им деньги была куплена «земля горшечника» для погребений, т.е. некий участок глинистой земли (вроде дешёвого дачного участка в Подмосковье). Но эти сведения вызывают сомнения, поскольку опять же отсылают к пророчеству Иеремии: «Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: и взяли тридцать сребреников, цену Оценённого, Которого оценили сыны Израиля, и дали их за землю горшечника, как сказал мне Господь» (Мф. 27:9—10).

Тем более, что у самого Иеремии приведены совсем другие цифры: «И купил я поле у Анамеила, сына дяди моего, которое в Анафофе, и отвесил ему семь сиклей серебра и десять сребреников» (Книга Иеремии, глава 32:9).

Ещё один важный момент состоит в том, что пророки Иеремия и Захария жили в эпоху Первого храма и, значит, их шекель не был равен евангельскому шекелю, чего евангелисты, конечно, не знали. Вес шекеля в более древние времена определялся по двум стандартам – вавилонскому и финикийскому, каждый из которых в свою очередь был двойной, лёгкий (обыкновенный) и тяжёлый («царский»). Вавилонский тяжёлый шекель был равен 22—23 г, лёгкий – 11—11,5 г, финикийский тяжёлый – 14,5—15,3 г, лёгкий – 7,3—7,7 г. Трудно сказать, какой из них имеется в виду в ветхозаветных пророчествах.

Во всяком случае, нужно помнить, что в пророчествах Ветхого Завета жизнь Сына Божия фактически оценивалась несколько иначе, чем во времена Иисуса, несмотря на формальное совпадение суммы: 30 сребреников в Ветхом и Новом Заветах – это разные деньги.

Приблизить 30 сребреников, инкриминируемых Иуде, к ценам наших дней можно двумя способами.

Во-первых, по стоимости серебра. В августе 2021 года цена 1 г серебра составляла около 60 руб. По этим расценкам Иуда расписался бы в получении 18 тысяч руб., как зажиточный российский пенсионер. За что наше правительство считает пенсионеров иудами, это другой вопрос.

При втором способе подсчёта следует ориентироваться на сравнительную стоимость труда (берём отрезок в 4 месяца). Средняя зарплата россиян в 2021 году (согласно Росстату) составляет примерно 50 тысяч руб. За 4 месяца получается 200 тысяч. Что ж, вероятно, за такую сумму и сегодня найдутся желающие запечатлеть поцелуй на щеке обречённой жертвы.

Рождение европейской лирики

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда.

Анна Ахматова

Родоначальник европейской лирической поэзии Архилох родился на острове Паросе – одном из Кикладских островов в центре Эгейского моря. Время жизни Архилоха определяется лишь приблизительно. Позднейшие греческие учёные писали, что поэт жил в начале VII в. до н. э. Это подтверждается и тем, что в одном из его стихотворений упоминается полное солнечное затмение: «В полдень ночь пришла на землю». Затмение, о котором пишет Архилох, наблюдалось в Греции 6 апреля 648 года до н. э. В это время Архилох был ещё нестарым человеком, так как он участвовал в битве, которая прекратилась во время затмения. По происхождению он был незаконнорождённым – сыном рабыни и аристократа.

Лишённого наследства юноше не оставалось ничего другого, как завоевать счастье с мечом в руке. Он участвовал во многих военных экспедициях на суше и на море, рискуя жизнью за кусок хлеба и глоток вина. Нет сомнения в том, что Архилох умел сражаться. Но героя из себя не строил, и если для того, чтобы спасти жизнь, нужно было бросить щит, он его бросал:

Волей-неволей пришлось / бросить его мне в кустах.
Сам я кончины за то избежал. / И пускай пропадает
Щит мой. Не хуже ничуть / новый могу я добыть.

Любовь и поэзия переплелись в его судьбе воедино. Архилох полюбил девушку из знатной семьи – красавицу Необулу. Ее отец Ликамб обещал отдать её Архилоху в жёны, но, когда пришёл срок выполнять обещание, Ликамб предложил поэту взять вместо Необулы её старшую некрасивую сестру. Это возмутило Архилоха, и он обрушил на Ликамба поток негодующих ямбов:

– Что в голову забрал ты, батюшка Ликамб?
Кто разума лишил тебя?
Умён ты был когда-то. Нынче ж в городе
Ты служишь всем посмешищем...

Предание гласит, что злые насмешки Архилоха довели Ликамба и его дочь до самоубийства.

Но именно Архилох первый предал бумаге чувства, которые владеют всеми людьми. Разве любой из нас не знал этих мгновений:

От страсти обезжизневший,
Жалкий, лежу я, и волей богов несказанные муки
Насквозь пронзают / кости мне.

Разве каждый мужчина не помнит свою любимую в минуту, когда:

Своей прекрасной розе / с веткой миртовой
Она так радовалась. / Тенью волосы

На плечи ниспадали ей / и на спину.

И есть ли такие, кто в пору утрат не думал, как и Архилох:

Я ничего не поправлю слезами, / а хуже не будет,
Если не стану бежать / сладких пиров и утех.

Однако всякий подлинный поэт – избранник, немислимый без внутреннего благородства. Архилох первым в европейской литературе рассказал басню о волке, не пожелавшем носить ошейник, оставивший на шее собаки позорный след. Чтобы заживить такой рубец, говорит Архилох, есть прекрасное лекарство. И лекарство это – свобода!

Но вот только все ли готовы лечить им свои рубцы на шее и в душе?

Архилоху приписывали изобретение многих новых стихотворных размеров¹¹, в том числе шестистопного ямба, впоследствии господствующего размера в греческой и римской драме. Архилох также создал эпод – двустрочную метрическую систему, в которой за большим стихом следует меньший.

Благодаря Архилоху элегии и ямбы, трохеи и стихотворные басни превратились в излюбленные поэтические формы, которыми уже больше двух с половиной тысячелетий широко пользуются поэты различных народов и эпох.

Древние считали Архилоха мудрейшим и прекраснейшим из поэтов и сравнивали с самим Гомером. На родине Архилох почитался как герой. В начале V века до н. э. в честь Архилоха на Паросе было воздвигнуто святилище, где на каменных плитах были высечены надписи с биографическими сведениями и отрывки стихотворений. Паросский историк Демей написал биографию Архилоха, извлечение из которой сохранилось на постаменте статуи, поставленной поэту в 100 году до н. э. его земляком Сосфеем.

Архилох погиб в битве с врагами родного острова. Знаменитый поэт Феокрит посвятил ему эпиграмму, написанную одним из изобретённых Архилохом сложных поэтических размеров:

Стань и свой взгляд обрати к Архилоху ты: он певец старинный,
Слагал он ямбы в стих, и слава пронеслась от стран зари до стран, где тьма ночная...
Музы любили его и делийский сам Феб любил владыка.
Умел с тончайшим он искусством подбирать слова к стиху и петь его под лиру.

Прислушаемся и мы к завету поэта:

Сердце, сердце! Грозным строем встали беды пред тобой.
Ободришь и встретишь их грудью, и ударим на врагов!
Пусть везде кругом засады – твёрдо стой, не трепещи.
Победишь – своей победы напоказ не выставляй,
Победят – не огорчайся, запершись в дому, не плачь.
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй.
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт.

¹¹ Слово «стихи» первоначально по-гречески означало «боевые шеренги» – строй, в котором каждому воину было отведено своё строго определенное место. Постепенно, однако, слово «стихи» стали применять и по отношению к рядам слов, связанным, подобно воинам, особым строем – «ритмом», как говорили греки.

Сафо, или Десятая муза

Женщины Лесбоса действительно были подвержены этой страсти, но Сафо нашла её уже в обычаях и нравах своей страны, а вовсе не изобрела сама.

Лукиан, «Диалоги»

Девять на свете есть муз, утверждают иные. Неверно:
Вот и десятая к ним, Лесбоса дочь, Сафо!

Платон

«Загадка», «чудо» – говорили о Сафо уже древние. Эти слова лучше всего подходят как к личности «десятой греческой музы», так и к её поэзии.

«Страстная» Сафо, как называли её современники, родилась на острове Лесбос в городе Эросе, за 612 лет до н. э. Отца её звали Скамандронимом, мать – Клеидой. Подлинное эолийское имя Сафо – Псапфа («ясная», «светлая»).

Когда Сафо исполнилось шесть лет, она осталась круглой сиротой. В 595 году до н. э. юная девушка участвовала в восстании против тирана Питтакия и была вынуждена бежать на остров Сицилия. Она поселилась в Митиленах, почему впоследствии её и стали называть Сафо Митиленской, в отличие от другой Сафо – Эресской, обыкновенной куртизанки, жившей гораздо позднее знаменитой поэтессы.

Сафо вышла замуж за преуспевающего купца по имени Серколас, от которого родила дочь по имени Клеис.

По свидетельству современников, Сафо была небольшого роста, очень смуглая, но с живыми блестящими глазами, а если Сократ и называл её «прекраснейшей», то исключительно за красоту стиха.

По возвращении Сафо из Сицилии между ней и «ненавистником тиранов», поэтом Алкеем, её собратом по изгнанию, завязался роман. Поэт заявил Сафо, что хотел бы признаться ей в любви, но не решается: «Сказал бы, но стыжусь». На что Сафо отвечала: «Когда бы то, что высказать ты хочешь, прилично было, стыд навряд ли смутил тебя».

Сафо возглавляла в Митилене на острове Лесбос общину девушек, посвящённую Афродите. Она называла свой дом «домом служительниц муз», или «музеем». Иными словами, заведение Сафо было школой, отданной под покровительство женских божеств любви, красоты и культуры.

Школа эта носила характер религиозной общины, в которой вдохновляемая Афродитой Сафо обучала митиленских девушек умению быть женщинами. В кружке Сафо культивировались музыка, танцы и поэзия. Но искусствам обучались не ради них самих, а для того, чтобы посредством культа муз воплотить идеал женской красоты. Сафо сама была замужем и являлась матерью девочки, которую она сравнивает в стихах с букетом лютиков. Поэтому она готовила доверенных ей девиц именно к замужеству, к выполнению женщиной своего призвания в радости и красоте. Поэтическая культура, которую Сафо прививала им своими пылающими строфами, распеваемыми девушками хором, называлась у древних «эротикой» и была культурой любви.

О том, какую горячую дружбу порождало такое воспитание под огненным небом, где царила Киприда, какие отношения могли возникнуть между Сафо и её воспитанницами, – об этом говорят нам её стихи:

Лишь тебя увижу, – уж я не в силах
Вымолвить слова.
Но немеет тотчас язык, / под кожей
Быстро лёгкий жар пробегает, / смотрят,
Ничего не видя, глаза, / в ушах же
Звон непрерывный.
Потом жарким я обливаюсь, / дрожью
Члены все охвачены, / и вот-вот как будто
С жизнью прошусь я.

Впоследствии эту любовь назовут лесбийской, хотя Сафо ни одной строчкой не дала понять, что её возлюбленная разделила с ней мучительную страсть.

Полагают, что Сафо умерла около 572 года до н. э., покончив жизнь самоубийством. По легенде она будто бы страстно влюбилась в молодого грека Фаона, перевозившего пассажиров с Лесбоса или Хиоса на противоположный азиатский берег, но, не найдя взаимности, бросилась с Левкадской скалы в море. С тех пор, согласно местному поверью, тот, кто страдал от безумной любви, находил на Левкаде забвение.

Армия, нашедшая свою заслуженную гибель

Борхес в одном из своих эссе цитирует древнего китайского историка. Дословно его сообщение я уже не помню, но смысл его таков: император послал против хуннов, в северные степи сколько-то там тысячную армию, где эти негодяи и нашли заслуженную смерть.

Последнее выражение поразило меня. Потом уже узнал, что на рубеже новой эры численность китайцев достигла почти 60 млн человек (а хуннов было около 300 тыс.). В те времена в Китае преобладал трудолюбивый, но отнюдь не воинственный обыватель. Поэтому китайскую армию комплектовали из преступников («молодых негодяев») и пограничных племен. Об их пропитании власти не заботились, полагая, что те прокормят себя сами. Разумеется, «молодые негодяи» промышляли за счёт грабежа китайского населения, что не могло не вызывать проклятий в их адрес.

Потому-то столичный историк и счёл гибель этих людей справедливым возмездием за их деяния.

Христианство и культ императоров

Историческое грехопадение христианства имеет свою точку отсчёта.

Конфликт ранних христианских общин с языческим миром в Римской империи приобрёл особую остроту не столько потому, что христиане отказывались почитать языческих богов, сколько потому, что они отрицали культ императоров.

Римляне вообще проявляли большую терпимость к религиям других племён и народов. Объявляя неприкосновенным богопочитание каждого из покорённых народов, римские власти надеялись расположить к себе побеждённых и снискать покровительство их богов. Различные чужеземные культы свободно отправлялись повсюду в империи – не только в провинциях, но и в самом Риме, где от чужеземцев требовалось лишь соблюдать уважение по отношению к римскому государственному культу и отправлять свои обряды частным образом, не навязывая их другим.

Поэтому можно сказать, что гонения на христиан в Римской империи не были собственно религиозными. Но почти одновременно с появлением христианской проповеди римская религия пополнилась новым культом, ставшим источником многих бед для христиан. Это был культ цезарей.

Римская религия сочетала в себе натуралистическое и государственное начала. В отличие от эллинского Зевса, олицетворявшего светлое небо, Юпитер в Риме был также олицетворением высшего государственного порядка, он представлялся невидимым главой именно государства. С появлением в Риме императорской власти появилось и представление о новом божестве: гении императора. Но очень скоро почитание гения императоров переросло в личное обожествление венценосцев. Поначалу обожествляли только умерших цезарей. Этот культ как бы увенчал римскую религию, так как был для всех принудительным. Так, после смерти Марка Аврелия сенат постановил считать безбожником всякого, кто не имел у себя в доме хоть какого-нибудь его изображения.

Постепенно, под влиянием восточных представлений, в Риме привыкли считать богом и живого цезаря, ему предоставляли титул «бог и властитель наш» и падали перед ним на колени. С теми, кто по небрежности или неуважению не хотел выражать чествования императору, поступали как с величайшим преступником.

Поэтому даже иудеи, во всём остальном твёрдо державшиеся своей религии, старались ладить с императорами в этом вопросе. Когда Калигуле донесли на иудеев, что они недостаточно выражают почитание к священной особе императора, то они отправили депутацию к нему сказать: «Мы приносим жертвы за тебя, и не простые жертвы, а гекатомбы (сотенные). Мы делали это уже три раза – по случаю твоего вступления на престол, по случаю твоей болезни за твоё выздоровление и за твою победу».

Не таким языком говорили с императорами христиане. Вместо царства кесаря они благовествовали Царство Божие. Император же воспринимался через призму образа Антихриста: «И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним? (Откр. 13,4); И третий Ангел последовал за ними, говоря громким голосом: кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело своё, или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем; и дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днём, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его (14,9,11); Пошел первый Ангел и вылил чашу свою на землю: и сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях, имеющих начертание зверя и поклоняющихся образу его. (16,2); И схвачен был зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса пред ним,

которыми он обольстил принявших начертание зверя и поклоняющихся его изображению: оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою; а прочие убиты мечом Сидящего на коне, исходящим из уст Его, и все птицы питались их трупами(19,20)».

По словам апостола Иоанна, Фома называл Иисуса своим Господом и Богом, отсюда нельзя было одновременно поклоняться и Господу, и цезарю. Во времена Нерона христианам запрещалось пользоваться монетами с изображением на них цезаря; тем более не могло быть никаких компромиссов с императором Домицианом, потребовавшим, чтобы его титуловали «Господом и Богом». Отказ христиан приносить жертвы языческим богам и обожествлять римских императоров воспринимался как угроза установленным связям между народом и богами.

Цельс обращался к христианам с увещательным словом: «Разве есть что худое в том, чтобы приобретать благоволение владыки людей; ведь не без божественного благоизволения получается власть над миром? Если от тебя требуют клятвы именем императора, тут нет ничего дурного; ибо все, что ты имеешь в жизни, получаешь от императора».

Но христиане думали иначе. Тертуллиан поучал своих братьев по вере: «Отдай деньги твои кесарю, а себя самого Богу. Но если всё будешь отдавать кесарю, что же останется для Бога? Я хочу называть императора владыкой, но только в обыкновенном смысле, если я не принуждаюсь поставлять его владыкой на место Бога» (Апология, гл. 45).

Обычная сцена того времени. Проконсул провинции замечает христианину, что тот должен любить императора как прилично человеку, живущему под покровительством римских законов, и, чтобы свидетельствовать свою покорность императору, предлагает принести ему жертву.

Христианин охотно соглашается любить цезаря как гражданин, но решительно отказывается от жертвоприношения: «Я молюсь Богу за императора, но жертвы в честь его нельзя ни требовать, ни приносить, ибо можно ли воздавать божеские почести человеку?» Естественно, вслед за этим следует тягчайшее обвинение в оскорблении царского величества и казнь.

Наконец, христианство выходит из подполья и становится государственной религией. И что же? Противостояние с властью сразу же прекращается. Может быть, цезари образумились? Отнюдь нет. Христианский император Константин так же имеет храмы и алтари, как и императоры-язычники. Впрочем, он принял крещение лишь незадолго до смерти...

Но вот наступает 404 год – та самая точка отсчёта. Императоры Аркадий и Гонорий после какого-то события призывают придворных чиновников к порядку. Заключительная часть грозного указа выглядит так: «А все те, кто в святотатственном дерзновении посмеют воспротивиться нашей божественности, лишатся своего места и имущества».

Это пишут искренние правители-христиане, которые запретили язычникам совершать жертвоприношения. В 408 г. Гонорий обращает храмовые поступления в доход военной казны, приказывает убрать изображения, запрещает язычникам «устраивать торжественные трапезы согласно обрядам их религии». В 415 г. он всех африканских жрецов высылает на родину и конфискует все земельные участки, посвящённые культу идолов. Аркадий, со своей стороны, в 416 г. выгоняет всех язычников со службы в армии и окончательно лишает их права занимать гражданские должности.

Кошунственные слова императоров звучат в полной тишине. Никакого возмущения, никакого всплеска эсхатологических настроений. К тому времени наиболее непримиримая часть христиан уже отделена от церкви (монтанисты, новациане, донатисты), а храмы заполняются новообращёнными, которые имеют весьма смутное понятие о христианской доктрине и склонны к компромиссам, немислимым для их предшественников. В результате христианская интеллектуальная элита начинает приспособлять императорский культ к реалиям «христианской империи». Титул «божественный» постепенно сближают со «святой» или «вечный». Византийских василевсов уже именуют: «Твоя Всевечность».

Отныне и на долгие столетия церковь забывает, что её подлинным историческим врагом является не язычество, а Антихрист.

Мумия, или Пародия бессмертия

Несмотря на многообразие цивилизаций, народов, религий и культур, человечество не столь уж изобретательно в погребальных обрядах – все они так или иначе сводятся к утилизации, уничтожению трупа. Скажем, индоевропейские народы в большинстве своём практиковали кремацию. Когда арабский путешественник начала X в. Ибн Фадлан спросил русов о смысле этого обряда, то услышал в ответ: «Вы, арабы, глупцы! Вы берете самого любимого человека и бросаете его в землю, где его съедают черви. А мы сжигаем его в мгновение ока, так что он входит в рай немедленно и тотчас».

Персидские зороастрийцы (гебры), боясь осквернить лоно земли, клали труп на вершину скалы, где он служит пищей хищных птиц. «Когда человек умирает, – говорит Зенд-Авеста, – птицы с высоты гор устремляются в долины, где расположены селения, спускаются в ущелья, и кидаясь на тело умершего человека, разрывают его с жадностью. Затем птицы из долин поднимаются на вершины гор. Их клюв, твёрдый как миндаль, уносит на горы мёртвое мясо и жир. Таким образом, труп человека из глубины долины переносится на вершину гор». Смысл, собственно, тот же – кратчайший путь на небо.

Иудаизм, христианство, ислам возвращают человеческую плоть земле: прах к праху. Многострадальный Иов обращается к могиле: «Ты моя мать», и к могильным червям: «Вы мои братья и сестры!». Но, в конце концов, гниение – тот же огонь, только медленный, оно также превращает человеческие останки в тлен, в пепел на крыльях бабочки Психеи.

Среди всех народов и цивилизаций Египет представляет единственное в мире явление. Он один предпринял тотальную борьбу против разрушения, сосредоточившись на том, чтобы сотворить из умершего мумию, – другими словами, статую, вылепленную из глыбы смол (в других культурах имеются лишь отдельные случаи мумификаций, а как массовое явление мумифицирование распространяется лишь на слой знати, как, например, у инков).

Между тем достаточно одного взгляда на собрание египетских мумий для того, чтобы заметить, что среди них существует иерархия: своя аристократия, своё мещанство, своя чернь. Над телом фараона, священника и богача трудилась целая группа высокооплачиваемых врачей, парикмахеров, художников и ювелиров. Они аккуратно потрошили тело, причёсывали накладные волосы, привязывали к подбородку заплетённую бороду, вставляли эмалевые глаза во впадины маски.

Геродот описывает труд бальзамирщиков высшего класса следующим образом:

«Сначала они извлекают через ноздри железным крючком мозг. Этим способом удаляют только часть мозга, остальную же часть – путём впрыскивания растворяющих снадобий. Затем делают острым эфиопским камнем разрез чуть ниже живота и очищают всю брюшную полость от внутренностей. Вычистив брюшную полость и промыв её пальмовым вином, мастера потом вновь прочищают её растёртыми благовониями. Наконец, наполняют чрево чистой растёртой миррой, касией и прочими благовониями (кроме ладана) и снова зашивают. После этого тело на 70 дней кладут в натровый щёлок. Больше 70 дней, однако, оставлять тело в щёлоче нельзя. По истечении же этого 70-дневного срока, обмыв тело, обвивают повязкой из разрезанного на ленты виссонного полотна и намазывают камедью (её употребляют вместо клея)».

Этот зловещий туалет удваивал свою роскошь и изящество, когда дело касалось женщин: им золотили груди, ногти, красили губы. Бальзамирщик давал им грациозные и скромные позы: почти все женские мумии благоговейно скрещивают руки на груди; другие обеими руками прикрывают лобок, словно могильные Венеры.

Ещё более трогательна одна находка в Фивах: мать, которая прижимает к сердцу маленькую мумию новорождённого ребёнка. Здесь искусство бальзамирования едва ли не превзошло

скульптуру – этот символ материнства изваян из самой плоти, из того, что страдало и трепетало.

Мумии победнее заключены в менее богатых саркофагах и под более грубыми саванами. Для покойников «среднего класса» существовал и менее затратный способ бальзамирования:

«С помощью трубки для промывания впрыскивают в брюшную полость покойника кедровое масло, не разрезая, однако, паха и не извлекая внутренностей. Впрыскивают же масло через задний проход и затем, заткнув его, чтобы масло не вытекало, кладут тело в натровый щёлок на определённое число дней. В последний день выпускают из кишечника ранее влитое туда масло. Масло действует настолько сильно, что разлагает желудок и внутренности, которые выходят вместе с маслом. Натровый же щёлок разлагает мясо, так что от покойника остаются лишь кожа да кости» (Геродот).

Наконец, бедняков, нищих и рабов наскоро паковали в корзины из пальмовых ветвей. Способ мумифицирования в этом случае был совсем прост: «В брюшную полость вливают сок редьки и потом кладут тело в натровый щёлок на 70 дней. После этого тело возвращают родным» (Геродот).

Итак, единственное равенство, которое признавал древний Египет, было правом на сохранение себя в смерти. Бальзамирование распространялось на бедного и на богатого, на раба и на фараона. Вечность была гарантирована самой мимолётной капле жизни. Даже зародыш мумифицировался, и таким образом то, что не жило, как бы переживало себя.

Но священное безумие переступало границу мира людей, распространяясь на зверей, птиц, рыб, насекомых. Бальзамировали кошек, собак, крокодилов, крыс, скарабеев, полевых мышей, змеиные яйца.

Египет принимал смерть, но восставал против всеобщего разложения, необходимого природе для обновления, – и этим грешил против жизни. Силе гниения он противопоставил фармацевтику, которую можно определить как священную гигиену трупа.

Смысл этого загробного фетишизма надо искать в мифологии Египта. По учению египетских жрецов, душа зависела от сохранности тела даже после их разделения. Отсюда бесконечные заботы о трупе и неприкосновенность последнего. Тело умершего после ритуала мумификации рассматривалось как воплощение личности, прошедшей через ряд освещающих её обрядов. У самих египтян оно называлось Саху (со значением «священные останки»).

По сути, мумия, спелёнутая испещрёнными иероглифами оболочками, – это своеобразная закладная судьбы. А для историков – ещё и книга, заключающая в себе повествование о царской славе, таинствах священства, секретах повседневной жизни или же о нищете, длящихся и по ту сторону могилы.

Из всех форм погребения мумифицирование – эта неуклюжая пародия бессмертия, – конечно, самая оскорбительная для современного сознания. В наших глазах поддельная вечность тела скорее отрицает бессмертие, крылья души словно вязнут в этой клейкой массе смол.

На средневековых кладбищах в Европе есть могилы с простыми плитами или крестами, на которых написано одно единственное слово: Resurgam (Воскресну!).

И этот короткий победительный крик более гордо утверждает бессмертие, чем все пирамиды и нетленные мумии древнего Египта.

Эпизоды истории

О сокровищах и подарках

Археологи – страшные люди. Раскапывая древние могилы, они лишают покоя мёртвых. И даже хуже: вынимая из земли сокрытые клады, они покушаются на «комфортность» загробной жизни их древних обладателей.

Учёные уже давно пришли к мысли о неэкономическом использовании древними захваченных богатств. Внешняя опасность не была основной причиной сокрытия кладов. Для варварских народов Европы клад имел, прежде всего, сакральную ценность – стоит вспомнить хотя бы наследственные сокровища Нибелунгов, утопленные в Рейне. Часто встречающееся расположение клада в центре погребальных курганов или поселений, то есть на явно сакральной территории, применение бересты (в славянских могильниках) в качестве обёрточного материала не только для гробов и тел покойников, но и для сокровищ, делают очевидными религиозные мотивы сокрытия кладов.

Отношение к богатству в древних обществах существенно отличалось от нынешнего. Обладание богатством было важно, прежде всего, в социально-политическом, религиозном и даже этическом смысле. Богатство выступало в качестве, так сказать, нематериальной ценности. Не случайно, слова «бог» и «богатство», оба старославянские, обнаруживают корневую связь, восходящую к индоевропейской общности. В золоте и серебре воплощались сила, счастье, благополучие – именно это в первую очередь и придавало ценность благородному металлу. Удача (военная, торговая) приносила богатство, которое, в свою очередь, олицетворяло и сулило успех и преуспевание его обладателю в будущем. Главным стремлением было иметь богатство, накапливать, а не тратить его, так как оно аккумулировало в себе социальный успех его владельца и выражало благосклонное отношение к нему богов. Поэтому его необходимо было скрыть, спрятать, то есть сделать своим навечно, чтобы обеспечить процветание себе и своему роду. Здесь – «сакральные» истоки скупости.

Сокровища накапливали в капищах и святилищах или прятали всеми возможными способами – зарывали в землю, метали в море, болото и т. д. Множество примеров тому представляют скандинавские саги. Так, согласно легенде, верховный бог скандинавов Один повелел, чтобы каждый павший в битве воин являлся к нему с богатством, которое было при нем на погребальном костре или спрятано им в земле. Отец скальда Эгиля Скаллаgrim утопил в болоте сундук с серебром. Сам Эгиль в конце своей жизни точно так же распорядился двумя сундуками серебра: при помощи двух рабов зарыл сокровища в землю, после чего умертвил помощников. Предводитель йомсбургских викингов Буи Толстый, смертельно раненый в морской битве, прыгнул за борт вместе с двумя ящиками, полными золота. Сокровища, которые оставались на руках, тратились тоже далеко не в производительных целях: князья вознаграждали ими дружинников, купцы – верных слуг, за деньги приобреталось вооружение и предметы роскоши. Да и сами монеты зачастую служили украшениями. Арабский путешественник начала X века Ибн-Фадлан поведал, что жены купцов-руссов ходили увешанные монистами из арабских дирхемов (подобные мониста действительно найдены в женских могилах киевского некрополя).

Словом, экономика и деньги существовали в варварских обществах едва ли не сами по себе. Над торговыми путями раннего Средневековья витал отнюдь не бледный дух наживы. Люди того времени были по-своему алчны, но алчность эта имела мистико-эстетический оттенок. Сверкание россыпей серебра возжигало в их душах пламень восхищения; завладевая сокровищем, они приобщались к заключённому в нем сверхъестественному могуществу.

Потому и торговля той эпохи оставила после себя не ветхие кипы приходно-расходных книг, а неувядающие предания о битвах со стерегущими сокровища драконами.

В основе подобного взгляда на материальные ценности лежало особое отношение людей той эпохи к собственности вообще, которое можно назвать магическим или мифологическим. Драгоценности, деньги, имущество – словом, богатство как таковое не имело собственно экономического значения. Человек был связан с предметом владения не юридически, то есть не через право неограниченного обладания и свободного распоряжения. Вещь была как бы продолжением личности владельца, поэтому ценность имел не сам по себе предмет, передававшийся из рук в руки, её имели те лица, в обладании которых он оказывался, и самый акт передачи ими имущества.

Переданная в чужие руки собственность в большинстве случаев оказывалась не платой за те или иные услуги, а даром, скрепляющим личные взаимоотношения дарителя и принимающего дар. В древнерусском языке операции с собственностью и описываются преимущественно через два наиболее обширных блока глаголов: в один входят глаголы со значением «дать, дарить», в другой – со значением «брать, получать». Отчуждение и использование имущества в рамках системы дарений не могло быть рациональным в экономическом смысле. Но люди того времени и не стремились к этому. Одаряя и принимая дары, они вступали в служебно-иерархические отношения друг с другом, которые были, прежде всего, отношениями личной, а не экономической зависимости. Власть над людьми была важнее власти над их имуществом. Даритель делился с получателем дара долей своего социального престижа.

Безвозмездное принятие дара обязывало к ответной реакции – благодарности, которая выражалась в признании социального старшинства дарителя и, следовательно, в необходимости чтить его и оказывать ему служебные услуги; сохранить независимость можно было, либо обменявшись равноценными подарками, либо возвратив подаренное. В варварских обществах подобный взгляд на подарки был повсеместным. Североамериканские индейцы стремились во что бы то ни стало задарить (так сказать, «передарить») своих соперников, даже если эти дарения полностью истощали запасы племени. Зато честь и свобода соперников в этом случае подвергались такому унижению, которое делало их неопасными. Принятие дара от могущественного конунга и последующая служба ему – постоянный мотив многих скандинавских саг. Монтень на заре Нового времени все ещё считал, что «если давать – удел властвующего и гордого, то принимать – удел подчинённого. Свидетельство тому – выраженный в оскорбительном и глумливом тоне отказ Баязида от присланных ему Тимуром подарков. А те подарки, которые были предложены от имени султана Сулеймана [Сулеймана II] султану Калькутты, породили в последнем столь великую ярость, что он не только решительно от них отказался, заявив, что ни он, ни его предшественники не имели обычая принимать чьи-либо дары, а, напротив,, почитали свою обязанностью щедро их раздавать, но и бросил в подземную темницу послов, направленных к нему с упомянутой целью».

Таким образом, между дарителем и одарённым возникали нерасторжимые узы взаимных привязанностей и обязательств. Господин обязан был тратить своё имение – только так он мог прослыть могущественным, удачливым, богатым («причастным богу», «наделителем благами», согласно древней этимологии этого слова). Щедрость, нерациональное расточение имущества были предметом всеобщего восхищения и прославления: «Яко же невод не удержит воды, но набирает множество рыб, тако и ты, князь наш, не держишь богатства, но раздаёшь мужем сильным и совокупаешь храбрых» (Даниил Заточник, XII в.). Служение такому человеку, холопство у него было не только не зазорным, но и желанным. Холопства домогались, ибо оно сулило приобщение к удаче и счастью господина. Через полученные от него дары на голову холопа изливалось благоволение богов.

Христианство боролось с языческим обожествлением золота и серебра. Князь Владимир Мономах ещё в начале XII века заклинал своих подданных: сокровища в землю не хороните: то есть великий грех.

И всё же, это древнее отношение к богатству и собственности дожило до наших дней. Вашу машину поцарапали, вашу собаку обзвали уродом, – и вам это неприятно. Почему? Ведь собственно ваша личность при этом не потерпела никакого ущерба. Но мы по-прежнему расцениваем принадлежащие нам вещи и живые существа как «продолжение» себя, своей личности, и потому остро реагируем на их порчу или умаление их престижа.

Ну и, конечно, каждый из нас (особенно девушки) с младых лет знает, что принимать подарки от малознакомых людей – дело опасное. Подарок по-прежнему обязывает современных людей, он по-прежнему подчиняет.

На каком языке говорили крымские готы?

В 30—40-х годах XV века венецианский купец Иосафат Барбаро проделал лингвистический эксперимент, результатом которого был следующий вывод: «Готы говорят языком немецким, в чём я сам удостоверился, имел при себе служителя немца, который свободно объяснялся с ними на природном языке своём, и они так же хорошо понимали друг друга, как у нас житель Форли понимает флорентинца».

Однако полное взаимопонимание между немцем XV века и современным ему крымским готом как раз и заставляет подозревать в свидетельстве венецианца капитальное недоразумение. Ведь это всё равно, как если бы нам вдруг представилась возможность поболтать с князем Владимиром I Святославичем, и мы бы обнаружили, что перекинуться с ним словцом ничуть не труднее, чем разговаривать с коренным жителем современного Воронежа или Архангельска.

Достоверность сообщения Барбаро возможна при одном, совершенно немислимом, допущении, а именно что древнегерманский язык крымских готов, полностью изолированных с V в. от всяких контактов с германскими племенами Центральной и Западной Европы, развивался абсолютно в том же направлении, что и немецкий язык, обрётший самостоятельность в государстве Каролингов. Фактически Барбаро утверждает, будто тысячелетнее проживание крымских готов в греческом, аланском, хазарском, еврейском, а с XIII века и в татарском окружении превратило их язык в живой разговорный диалект немецкого языка XV века.

Исторические примеры, напротив, свидетельствуют, что древнегерманский язык не проявлял устойчивости при длительном соприкосновении с другими этносами. Так, германцам, расселившимся в эпоху Великого переселения народов в Галлии и Италии, хватило четырёх столетий, чтобы романизоваться и заговорить по-французски и по-итальянски, — при том, что они были в этих странах господствующим этносом.

Скепсис в отношении известия Барбаро уместен ещё и потому, что бывали казусные случаи, когда за «древнеготский» язык принимали какое-то еврейское наречие, — возможно, идиш. В начале XIX в. немецкий учёный Гаккет уверял одного из своих научных адресатов, что «многие евреи, которые имеются повсюду в Понте, принимаются за древних немцев или готов».

Несовпадение этнического происхождения и языковой принадлежности у некоторых групп крымского населения можно наблюдать на примере так называемых мариупольских греков, выселившихся из горного Крыма в конце XVIII века. Русские учёные второй половины XIX века установили, что одна их ветвь называлась таты и говорила по-гречески; другая, прозывавшаяся базариане, не зная греческого, говорила на татарском языке. Причем эти отатарившиеся «греки», скорее всего, были потомками средневековых алан, некогда осевших в окрестностях Херсонеса¹².

Как бы там ни было, реальных подтверждений живучести древнегерманского языка в Крыму нет никаких. Академик Паллас, путешествовавший в 1793—1794 годах с научными целями по Крыму, обратил внимание на полное отсутствие «готского» (древнегерманского) языкового влияния в названиях крымских местностей, городов и рек, а также в местных татарских диалектах. Не увенчалась успехом и попытка Ф. Брауна найти «следы готской жизни» в Крыму. Объехав в 1890 году здешние татарские деревни, он признался, что никаких «ясных следов готской жизни» не обнаружил¹³.

Подводя черту под сказанным, замечу, что, согласно показанию западноевропейского писателя первой половины IX века Валафрида Страбона, «у некоторых скифских народов»

¹² Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Составл., вступ. ст., коммент., карта: С. М. Первалов. СПб., 2000. С. 151.

¹³ Браун Ф. Мариупольские греки // Живая старина. 1890. Вып. II. С. 79—92.

Северного Причерноморья сохранялось богослужение на готском языке. Это известие способно пролить свет на то, как в действительности обстояло дело с употреблением коренного готского наречия в Крыму в раннем средневековье. По всей видимости, древнегерманский язык тогда уже утратил функцию живой разговорной речи, сохранив определенное коммуникативное значение только в качестве «священного языка» литургии¹⁴.

¹⁴ См. также интересное интервью: «Молитвы на камнях: Историк Андрей Виноградов рассказывает о первых надписях на крымско-готском языке» // URL: https://meduza.io/feature/2015/12/25/molitvy-na-kamnyah?utm_source=facebook.com&utm_medium=share_fb&utm_campaign=share

Что мы знаем о берсерках?

Берсерк в современном мире – один из самых узнаваемых исторических образов. Это – боевая элита викингов, член мужской военно-религиозной корпорации, неустрашимый воин Одина, одержимый яростью битвы (состояние боевого экстаза достигается им через употребление особого пьянящего напитка); в бою он не пользуется доспехами, довольствуясь одной медвежьей или волчьей шкурой, а силой и необузданной жадой крови уподобляется дикому зверю, наводя панический ужас на врагов.

И лишь немногие специалисты помнят, что этот образ берсерка – всецело плод «научной мифологии», у истоков которой стоят германские историки-медиевисты первой трети XX в. Общественно-политическая жизнь Германии тех лет предрасполагала часть исследователей к культуре закрытых мужских союзов как государствообразующих ячеек, поискам «тайного знания» древних обществ и цивилизаций, романтизации язычества и героизации разрушительных порывов древних германцев. Именно тогда под пером профессора германской древней истории и филологии (а по совместительству члена НСДАП и сотрудника Аненербе) Отто Хёфлера и его коллеги, фольклористки Лили Вайзер берсерки превратились в мужскую касту избранных воинов Одина, занимавшую исключительное положение в древнескандинавском обществе. Литература и кинематограф растиражировали и закрепили этот яркий образ в историческом сознании масс.

В последние два-три десятилетия историки и филологи провели тотальную «ревизию» древнескандинавских памятников для того, чтобы выяснить, что же на самом деле говорят источники о берсерках. Выяснились любопытные вещи.

Слово «берсерк» (*berserkr*) и сложносоставной термин «берсеркганг» (*berserksgangr*), то есть «состояние, свойственное берсерку», обычно понимаемое как «буйство, ярость, бешенство, одержимость», встречаются только в древнеисландской литературе. В языки других народов, в том числе шведов, норвежцев, датчан и немцев оно попало не ранее XVI века в качестве заимствования из древнеисландского.

Стоит ли после этого удивляться, что происхождение и этимология слова *berserkr* – предмет нескончаемых споров? Первый его компонент – *ber-* обычно переводят двояко: либо как «медведь», или же как «голый», а *-serkr* – как «рубашка». В соответствии с этим в слове *berserkr* видят либо отсыл к культу медведя (ритуальное облачение в медвежью шкуру), либо указание на то, что берсерки сражались без доспехов – голыми или в одних рубашках.

Проблема, однако, в том, что в древнеисландском (и вообще в северогерманских языках) отсутствует корень *ber-* в значении «медведь», а в древнегерманском, где таковой имеется, нет слова «берсерк». «Безрубашечный» вариант тоже не безупречен, хотя бы ввиду того, что в древнеисландском хорошо известен этноним *serkir* – «сарацины» (единственное число – *serkr*). Саги знают топоним *Serkland* – Страна сарацинов, а в некоторых из них сарацины и берсерки соседствуют, как, например, в «Саге об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков». Была выдвинута и альтернативная этимология, где древнеисландское *berserkr* считается заимствованием из персидского *bezrek*, *bezerk*, то есть «огромный», «великан»¹⁵.

Современные «эпохе викингов» источники, к сожалению, мало проясняют дело: им в равной степени неизвестны ни голые торсы берсерков, ни медвежьи шкуры на их плечах. А в «Саге об Одде Стреле» берсерки одеты... в кольчуги.

¹⁵ См.: Елифёрова М. В. Берсерки: тайный воинский культ или явный научный миф? / На правах рукописи. URL: http://www.academia.edu/12575516/%D0%91%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%B82_%D0%BD%D0%B0_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D1%85_%D1%80%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B8_ (дата обращения: 04.11.2016).

Ключевое значение для вопроса о внешнем виде «воинов Одина» имеет драпа (хвалебная песнь) под условным названием «Морской бой при Хаврсфьорде». Авторство этого произведения традиционно приписывается норвежскому скальду Торбьёрну Хорнклови, жившему при дворе конунга Харальда Прекрасноволосого (ок. 852—933). По этой причине в более позднее время «Морской бой» был включён в «Песнь о Харальде» – биографическую поэму XII—XIII вв.

К данному источнику, так или иначе, восходят все попытки реконструкции внешности берсерков.

Берсерки здесь упомянуты дважды. Наиболее развёрнутое описание встречаем в 20-й строфе, где валькирия просит ворона рассказать о берсерках и слышит в ответ: «Волчьими шкурами звать / Тех, которые в бою / Несут окровавленные щиты, / Одерживают победы, / Когда на бой идут; / Вот чем они все заняты; / Храбрецам исключительным, / Думаю я, доверяться / Должен бы опытный, / Тем, которые рубят щиты».

Однако, как установлено, данный фрагмент является творчеством поэта XII—XIII веков, который таким образом сделал «поэтический комментарий» к 8-й строфе, посвящённой описанию морского сражения при Хаврсфьорде, где, в частности, говорится: «Рычали берсерки, / кончалась битва, / завывали волчьи шкуры, / потрясая железом».

Эти маловразумительные строки, в отличие от 20-й строфы, действительно принадлежат Торбьёрну Хорнклови или кому-то из скальдов IX века. Поэтический язык этого фрагмента так сжат и скуп на детали, что с трудом поддается пониманию. Строки о берсерках и «волчьих шкурах» связаны параллелизмом, поэтому не исключено, что речь идёт о синонимах. Из текста также отнюдь не следует, что «волчьи шкуры» – это боевое облачение. Возможно, мы имеем дело всего лишь с фигуральным выражением, стоящим в зависимости от «рычания» и «завывания».

И наконец, довольно-таки сумбурное описание битвы не позволяет с полной уверенностью решить, на чьей стороне сражались берсерки – Харальда или его врагов, хотя, по замечанию специалистов, грамматика все-таки склоняет ко второму варианту¹⁶.

Именно эти неясности 8-й строфы, по-видимому, и побудили поэта, жившего триста лет спустя, добавить в текст поэмы 20-ю строфу, где берсерки выступают в качестве дружинников Харальда и отождествляются с «волчьими шкурами».

Между тем в сагах мы не встретим больше ни одного реального исторического лица в окружении дружины из берсерков или «волчьих шкур».

Не лучше обстоит дело с принадлежностью берсерков к священному союзу «мужей Одина». Эти сведения почерпнуты из «Саги об Инглингах» – поздней христианской обработки языческой мифологии скандинавских народов (написана Снорри Стурлусоном в 1220–1230-х гг.). Здесь между прочим говорится: «Один умел делать так, что в битве его враги слепли или глохли, или их охватывал страх, или их мечи становились не острее, чем палки, а его люди шли в бой без доспехов и были, словно бешеные собаки и волки, кусали щиты и сравнивались силой с медведями и быками. Они убивали людей, и их было не взять ни огнём, ни железом. Это называется впасть в ярость берсерка».

По поводу этого отрывка можно сказать только то, что к началу XIII в. образ берсерка уже претерпел христианскую мифологизацию, неизвестную древним памятникам. Примечательно, что в древнескандинавской мифологии Один всегда действует в одиночку, без воинской свиты. Снорри же рисует его в виде азиатского правителя (обладающего сверхъестественными способностями), поэтому наличие у него отряда телохранителей предполагается само собой.

¹⁶ См.: Елифёрова М. В. Конструируя источник: казус Haraldskvæði // III Международная конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс» / Сборник статей. М., 2015. С. 5–14. URL: http://istina.msu.ru/media/collections/collectioneditorship/844/7a1/10890937/Block_LAST-LAST-LAST.pdf (дата обращения: 04.11.2016).

Дальнейший обзор древних источников выявляет следующую закономерность: все древнейшие памятники, упоминающие берсерков, являются поэтическими произведениями, и в 70—80 % случаев берсерки фигурируют в них как враги.

Особенно обескураживающе выглядит «блестательное отсутствие» берсерков в рунических надписях, – а ведь это тысячи текстов, оставленных самими скандинавами (преобладают в них шведские) и не подвергавшихся переделке. Большинство из них носит характер эпитафий с указанием на происхождение, а нередко и на социальное положение покойного. И более чем странно, что в этот своеобразный мартиролог не попал ни один из тех, кто якобы принадлежал к военной элите.

Необычный вид и поведение берсерков вряд ли могли остаться без внимания со стороны народов, подвергшихся скандинавской экспансии. Но никто из англо-саксонских, франкских, византийских, арабских хронистов не заметил в рядах викингов беснующихся воинов в звериных шкурах (хотя, например, нагота пиктов и скоттов отмечена в сочинении Гильды Премудрого «О гибели Британии», VI в.). «Сага о Гуннлауге Змеином Языке» утверждает, что берсерков хорошо знали в Англии – в одном эпизоде берсерка Торорма убивают на глазах у английского короля Этельреда II (979–1016). Между тем англо-саксонские хроники не знают ни этого эпизода, ни чего-либо похожего на слово *berserkr*.

Собственно исторические сведения о берсерках исчерпываются двумя свидетельствами. Согласно известию «Саги о Греттире», в 1012 г. норвежский ярл Эйрик Хаконарсон запретил поединки и объявил берсерков вне закона. Правда, достоверность этого сообщения не поддаётся проверке. Настораживает то, что о нем не знают средневековые авторы трудов по истории Норвегии IX—XII вв. – Снорри Стурлусон («Круг земной») и безымянный составитель «Красивой кожи».

Остаётся исландский судебник «Серый гусь» (XII—XIII вв.) с его знаменитым запретом на «оберсеркование» (*berserksgangr*) под страхом «малого изгнания» (трёхлетней высылки). Эта статья замыкает раздел о церковных наказаниях за приверженность языческим культам и обращение к бытовой магии – произнесению заклинаний, наведению порчи, изготовлению оберегов для людей и скота и т. д. Именно к этой категории преступлений отнесено и «введение себя в состояние берсерка». Отсюда видно, что в христианизированном исландском обществе угрозу «оберсеркования» связывали с языческими практиками.

Если верить поздним исландским сагам, берсерки того времени использовали магию для того, чтобы заколдовать своё оружие, придав ему неотразимую силу, и самим стать неуязвимыми для врагов. Однако все их подвиги ограничивались мародёрством и насилием над соплеменниками и соседями. «Людам казалось большим непорядком, что разбойники и берсерки принуждали достойных людей к поединкам, покушаясь на их жён и добро, и не платили виры за тех, кто погибал от их руки. Многих так опозорили: кто поплатился добром, а кто и жизнью» («Сага о Греттире»). Победа над этими бандитами прославляется как весьма похвальное деяние. Причем уже с XI в. берсерков наделяют демоническими чертами, и в борьбе с ними важную роль играют христианские священники с их специфическими приёмами противостояния нечистой силе. Так, в «Саге о Ватисдоле» прибывший в Исландию епископ Фридрек, провозгласивший войну «одержимым», отпугивает демонов огнём и советует пастве убивать берсерков дрекольем, поскольку железо бессильно против их чар. С другой стороны, согласно сагам, крещённый берсерк сразу же теряет все свои сверхъестественные способности.

Только в поздних сагах находим и описание ярости берсерков как особого состояния, близкого к боевому трансу – сильнейшее возбуждение, на короткое время придающее человеку невероятную силу и выносливость, но завершающееся полным изнеможением (в одной из саг берсерки после сражения целые сутки спят мёртвым сном). Каким образом достигалось это состояние, нет никаких данных, кроме сообщения датского летописца Саксона Грамматика

(ок. 1140 – ок. 1216) о том, что некоторые воины пили перед битвой некий «напиток троллей», от чего впадали в *furog bersericus* («бешенство берсерка»).

В 1784 г. шведский профессор Сэмиюль Эдман предположил, что это мог быть настой из мухоморов. Исследователь ссылаясь на обычаи сибирских шаманов, которые во время камланий (гаданий) слизывали с ладони порошок, приготовленный из этих грибов. В настоящее время большинство исследователей относит «мухоморную» теорию к недоказуемым догадкам.

Насколько можно судить, угрожающее поведение берсерков перед боем заключалось в подражании звериному вою, разрывании на себе одежды и как высшее выражение ярости – кусании щита. Последнюю деталь подтверждает интересная археологическая находка – «шахматы с острова Льюис». Предположительно, фигурки для этой игры были сделаны норвежскими резчиками в Трондхейме между 1150 и 1200 гг. Среди «стражей» (аналог современных шахматных ладей) четверо кусают верх щита, что указывает на состояние ярости. Все они облачены в кольчуги и шлемы, кроме одного, который, видимо, и изображает берсерка. В таком случае этот комплект фигурок свидетельствует о том, что «ярость берсерка» либо не была чем-то особенным для военной культуры скандинавов, либо могла передаваться другим воинам, наподобие массового психоза.

По всей видимости, в исторической реальности воины, получившие в сагах имя берсерков, были зачинателями сражения. Своим подражанием звериному реву и вою, угрожающими телодвижениями они наводили ужас на врагов и подбадривали своих соратников, которые подхватывали яростный клич и старались подражать действиям берсерков. Поэтому на чужой взгляд все войско норманнов, собственно, и являлось «берсерками», что обусловило отсутствие их описаний в нескандинавских источниках.

Из всех перечисленных способов устрашения противника на первое место надо все-таки поставить звериный вой. Боевым кличем в древности действительно выигрывали сражения. Показательна в этом отношении знаменитая битва между римлянами и кельтами, происшедшая в 390 г. до н. э. Противники впервые столкнулись на поле боя, и римляне буквально оцепенели, увидев перед собой рослых воинов с развевающимися волосами, танцующих под непривычные для римского уха звуки музыкальных инструментов, напоминающие звериный рёв. А когда кельты единогласно издали страшный крик, повторенный вдалеке эхом долин, римлян охватил панический ужас, и они, даже не попытавшись вступить в бой, обратились в бегство.

Неистовство варваров, проявляемое ими в бою, вообще поражало людей античной культуры, «порождая великий ужас». Изматывающий душу, вызывающий оцепенение боевой клич непременно присутствует в античных описаниях сражающихся варваров. Характерны следующие строки Аммиана Марцеллина, повествующего о битве под Адрианополем (378) между готами и римлянами: «Можно было видеть варвара, преисполненного ярости, со щеками, сведёнными судорогой от пронзительного вопля, с подсечёнными коленными сухожилиями, или с отрубленной правой рукой, либо с растерзанным боком, находящегося уже на самой грани смерти и всё ещё с угрозой вращающего свирепыми глазами».

Отголоски этих языческих военных традиций и донесли до нас древнескандинавские поэтические памятники, вроде упоминавшегося «Морского боя при Хаврсфьорде». Саги придали этим красочным подробностям налёт сверхъестественного.

Кстати, похожие известия мы встречаем и в сообщениях византийских историков о древних славянах. Например, в военном трактате императора Маврикия (годы правления 582—602) говорится, что славяне, не зная правильного боевого порядка, предпочитали совершать нападения на своих врагов в «местах лесистых, узких и обрывистых», причем они были неистовыми на военные хитрости, «ночью и днём, выдумывая многочисленные уловки». Засады и внезапные нападения были их излюбленными тактическими приёмами.

На открытых местах они редко принимали сражение. Если же такое случалось, то славяне с криком (другой писатель говорит о «волчьем вое») всем скопом устремлялись на врага. Даль-

нейшее зависело от случая: «И если неприятели поддаются их крику, славяне стремительно нападают; если же нет, прекращают крик и, не стремясь испытать в рукопашной силу своих врагов, убегают в леса, имея там большое преимущество, поскольку умеют сражаться подобающим образом в теснинах».

Вильгельм Завоеватель в Англии

Весь день 14 октября 1066 года на равнине близ Гастингса не смолкал яростный шум битвы. Войско англосаксонского короля Гарольда стойко отражало натиск нормандских рыцарей и наёмников, которых привёл на английскую землю герцог Вильгельм Незаконнорождённый. Нормандцы применили новейший, усовершенствованный боевой порядок – лучники в первой линии, пехота во второй, рыцарская конница в третьей, – но все их атаки разбивались о старый, добрый порядок построения англосаксонской пехоты – компактный четырёхугольник, защищённый огромными, в рост человека щитами и ошетилившийся толстыми, прочными копьями.

Однако к вечеру терпеливые англосаксы устали сносить укусы длинных нормандских стрел. Они двинулись вперёд, чтобы отогнать вражеских лучников – это назойливое комарье. При сходе с холма их ряды расстроились, и в эти проёмы тотчас ринулись нормандские рыцари...

С наступлением темноты все было кончено. Королевское знамя пало, а с ним и независимость Англии. По заваленному трупами полю бродили только несколько монахов Уайльдгэмского аббатства и Эдит Лебединая Шея – бывшая возлюбленная короля Гарольда, которая, согласно преданию, отыскала и погребла его тело Гарольда...

Герцог Вильгельм опустошил южные области и занял Лондон. Но прежде, чем двинуться дальше, он решил короноваться английской короной.

Странная это была коронация, произошедшая в день Рождества Христова, в Вестминстерском аббатстве. Вильгельм шёл к аббатству между рядами своих воинов. Все пути к церкви, все улицы и площади были оцеплены вооружёнными всадниками. Вместе с Вильгельмом в церковь вошла толпа вооружённых нормандцев и знатные англосаксы, изъявившие покорность новому повелителю. Начался обряд коронации. Два епископа обратились к присутствующим на английском и французском языках:

– Желаете ли вы, чтобы герцог Вильгельм был вашим королём?

В ответ раздались приветственные крики, шум, бряцание оружия... Громче всех кричали нормандские рыцари, провозглашая здравицы герцогу. Солдаты же, окружавшие аббатство, подумали, что англосаксы взбунтовались, а их товарищи зывают о помощи. Войску Вильгельма был заранее отдан приказ на случай мятежа поджечь Лондон и беспощадно расправиться с жителями. И вот одни нормандцы бросились в храм, другие принялись поджигать и грабить дома...

При виде воинов с обнажёнными мечами церковь опустела – англосаксы в страхе бежали, нормандцы спешили принять участие в грабеже. Вокруг Вильгельма осталась небольшая кучка духовенства. Обряд коронации был окончен наспех; торжество не удалось.

Но всё же Вильгельм – теперь уже в качестве английского короля – мог начать раздачу английских земель своим воинам. Многие из самых древних и знатных английских семей обязаны своим богатством и положением этому грабежу.

Англосаксонский хронист писал о безжалостных и ненасытных захватчиках: «Они позволяли себе все, что приходило им в голову: проливали кровь без зазрения совести, отнимали деньги, земли, вещи, вырывали последний кусок изо рта». Самый ничтожный нормандец – бывший пастух, портной, ткач, – который переправился с герцогом через пролив в качестве стрелка, в рваном кафтане, со старым луком, теперь стал разъезжать в роскошном облачении на коне в богатой сбруе, именоваться рыцарем, получил обширные поместья и безнаказанно теснил самых знатных англосаксов.

Из Лондона Вильгельм совершил походы на север и запад Англии, разрушая город за городом, не щадя никого из тех, кто осмеливался взяться за оружие. «В реках вода текла баг-

ровая от крови, дым пожаров застилал небо, поля были истоптаны, всюду валялись мёртвые тела», – с горечью повествует летописец.

На развалинах англосаксонских поселений нормандцы строили свои крепкие замки – хищные гнезда, откуда они угрожали разорением и смертью всякому, кто осмеливался им в чём-нибудь перечить.

Нормандское завоевание открыло новую эру военных построек в Англии. Англосаксонский замок, burh, был заменён нормандским – castle. До того в Англии не существовало каменных укреплений. Англосаксы и датчане довольствовались деревянными стенами и земляными валами, защищёнными палисадом и глубоким рвом; в редких случаях они подновляли ветшавшие римские укрепления.

Вильгельм Завоеватель сам строил каменные замки и требовал того же от наиболее сильных и знатных своих вассалов. Англия при нём покрылась дюжинами замков – характерными для нормандского замкового строительства квадратными твердынями, сложенными из камня. Их недоступность зависела не от каких-либо дополнительных укреплений – рвов, валов, палисадов, – а исключительно от толщины стен. И действительно, англосаксам за все время их многочисленных мятежей против завоевателей ни разу не удалось овладеть замками нормандских рыцарей; да и сами короли с трудом могли сладить с этими оплотами феодального сепаратизма. В период средневековья искусство обороны надолго превзошло искусство нападения. Обыкновенно один лишь голод мог заставить владельца замка поднять воротную решётку и открыть узкие ворота.

Тауэр создавался как королевский замок – место обитания Вильгельма во время его приездов в Англию, вызванных главным образом военной необходимостью – восстаниями и мятежами.

Вильгельм Завоеватель был последним и самым страшным отпрыском викингов. В его гигантской фигуре, огромной силе, диком выражении лица, отчаянной храбрости, ярости его гнева, беспощадности мщения воплотился дух его предков, суровых воинов и кровожадных разбойников.

«Ни один король на земле, – признавали даже его враги, – не может сравниться с Вильгельмом». Он никогда не считал своих врагов. Никто не мог натянуть его лука, его палица пробила ему дорогу до королевского знамени через толпу англосаксов в битве при Гастингсе. Его величие проявлялось именно в те минуты, когда другой бы пришёл в отчаяние. Но если сердце его ожесточалось, он не ведал жалости. При осаде Алансона он отсекал руки и ноги пленникам и забрасывал их за городские стены – в отместку за насмешки, которые позволили себе осаждённые. В Гэмпшире он выгнал тысячи людей из домов, чтобы устроить место для охоты. Разграбление им Нортумберленда надолго сделало Северную Англию пустыней.

Мрачный вид, гордость, молчаливость и дикие вспышки гнева делали Вильгельма одиноким даже среди его двора. «Суров он был, – пишет английский хронист, – и большой страх имели к нему люди». Сам гнев его был молчаливым; в такие минуты «ни с кем не говорил он, и никто не смел говорить с ним». Только на охоте, в лесном уединении его характер смягчался: «Он любил диких оленей, точно был их отцом».

Вместе с тем у него порой обнаруживались своеобразные наклонности к гуманности: он не любил лить кровь по приговору суда и уничтожил смертную казнь. Он также положил конец работорговле. Он был верным мужем и любящим отцом. Суровый для баронов, «он был кроток с людьми, любящими Бога».

У Вильгельма было четыре сына: Ричард, Роберт Короткие Штаны (он был коротконогий), Вильгельм Рыжий и Генрих Учёный. Старший из них, Ричард, погиб на охоте. Роберт в один прекрасный день взбунтовался против власти отца. Часть нормандских баронов поддержала его. В решающей битве с войсками Вильгельма Роберт сшиб на землю всадника, чьё лицо было закрыто забралом, и уже хотел было прикончить его, как вдруг узнал голос отца. Состо-

ялось примирение. Роберт уехал в чужие края и не возвращался в Англию до самой смерти Вильгельма.

Вильгельм получил смертельную рану, воюя против французского короля, своего сюзерена, и умер в 1087 году в Руане. Перед смертью он завещал Нормандию коротконогому Роберту, а Англию – Вильгельму Рыжему; Генриху Учёному достались только деньги. Братья бросили умиравшего отца и поспешили вступить во владение наследством.

Смерть Вильгельма была столь же одинокой, как и его жизнь. Когда он испустил дух, бароны и священники разбежались, словно гонимые фуриями. Обнажённое тело Завоевателя несколько часов одиноко лежало на полу кельи монастыря Святой Жервезы, пока слуги не набрались духу предать его земле.

Последние рыцари Европы

Эпоха умирает вместе с людьми, которые её олицетворяют.

26 августа 1346 года было последним днём европейского рыцарства. Французы и англичане сошлись при Креси. Английский король Эдуард III совершил неслыханное: он спешил своих рыцарей и разместил их в одном строю с пехотинцами-лучниками. Его забвение всех понятий о благородном способе ведения войны было столь полным, что он не побрезговал использовать против цвета французской аристократии, оказавшего ему честь своим намерением преломить с ним копья, новое презренное оружие городских простолюдинов – пушки.

Очередной большой турнир равных по происхождению всадников не состоялся. Французских кавалеристов повергли на землю не рыцарские копья, украшенные геральдическими значками их владельцев, а стрелы и ядра, выпущенные безымянной рукой. Пьянящая поэзия войны уступила место трезвой прозе победных реляций. Скрипучее перо хрониста навсегда заглушило ликующую песнь трубадура.

Да и сами английские пэры и бароны – в кого превратились они? Получая от короля деньги за военное ремесло, не сделались ли они презренными наёмниками, победа над которыми не приносит ни славы, ни чести? И добро бы ещё – наёмниками короля. Но они выбрали для себя жалкую роль быть орудиями в руках английских торговцев шерстью и фламандских суконных фабрикантов.

Железная поступь пехоты раздавила кавалерию. Скоро сражение превратилось в методичное избиение французских рыцарей, беспорядочной толпой рассыпавшихся по полю, растерянных и беспомощных.

Седой богемский король Иоанн I, союзник короля Франции, зачарованно вслушивался в звуки битвы. Старый и слепой, он находился позади сражавшихся, но великолепные доспехи его были начищены, сам он был надушен и тщательно завит по последней моде. Со стороны казалось, что он слушает дивную музыку, которая преисполняет его умиротворением и безмятежной радостью.

Приближённые подробно докладывали ему о ходе сражения. Голоса их становились всё более тревожными, они просили короля как можно быстрее покинуть опасное место. Он не обращал на их просьбы никакого внимания. Он стоял, вытянув шею и слегка запрокинув голову. Порой уголки его губ трогала едва заметная улыбка. Он слушал последние звуки привычного ему мира.

Король Иоанн своими незрячими глазами провидел, что начинается новая эпоха, что рыцарству пришёл конец, что в будущем конный будет всегда побеждаем пешим. Цепляться за лишний миг существования в этом новом, отвратительном мире он не захотел, и потому сказал своей свите: «Я вас усерднейше прошу, отведите меня в самую глубь битвы, где бы я ещё раз мог нанести добрый удар меча!»

Оруженосцы и телохранители послушались его, привязали его лошадь к своим лошадям и бросились вместе в самую гущу победителей...

Наутро их всех нашли убитыми на спинах их павших лошадей. Никто не освободился от привязи, чтобы в позорном бегстве сохранить себе жизнь.

Людовик

XI

, или охота на лис

Правление Людовика XI (1461—1483) по его жестокости можно было бы сравнить с царствованием Ивана Грозного, с той разницей, что царь зачастую рубил головы людям, которые и не думали бунтовать, а французский король отправлял на плаху вассалов, рвавших на части тело Франции. Уже через четыре года после вступления Людовика XI на престол пятьсот принцев и сеньоров образовали против него союз под именем лиги Общественного блага, – мятежники объявили, что действуют из сострадания к бедствиям страны. Глава лиги граф де Шаролэ, известный впоследствии как Карл Смелый, герцог Бургундский, а также могущественные сеньоры – герцог Бретонский, коннетабль де Сен-Поль, граф д'Арманьяк и брат короля герцог Гиенский – разбойничали по всей Франции, разоряя её дотла. Это была охота на короля, охота феодальная, яростная и дикая. «Я так люблю королевство, – говорил Карл Смелый, – что вместо одного короля я хотел бы иметь шестерых». Герцог Гиенский вторил ему: «Мы пустим за королём столько борзых, что он не будет знать, куда бежать».

В этой неравной борьбе с всемогущими вассалами Людовик XI не брезговал никакими средствами. Величие его цели – единство страны – отчасти оправдывает его коварство. В ту эпоху родина так неоспоримо олицетворялась фигурой короля, их интересы были так переплетены, а будущее настолько взаимосвязано, что порой становится трудно отделить в Людовике XI скверного человека от искусного монарха. На его стороне было если не нравственная правда, то государственное право. Сражаясь против целой армии изменников, он становился предателем предателей и клятвопреступником среди клятвопреступников, однако его измены были ещё хуже и вероломство ещё чернее, чем у его врагов. Эта лисица, делавшая львиное дело, убегала от нацеленных в неё стрел, замечая следы и путая дороги, множа на своём пути западни и лабиринты; и из года в год то один, то другой охотник попадали в капкан или были вышиблены из седла. В конце концов охотники и дичь поменялись ролями. Гробница Людовика XI кажется эмблемой его царствования: он захотел быть изваянным на своей могиле в охотничьем костюме, с копьём у пояса и с гончей в ногах.

Что касается жестокости Людовика XI, то она была если не большей, чем жестокость других государей того времени, то во всяком случае, гораздо отвратительней. Он не проливал человеческую кровь потоками в порыве гнева или безумной ярости, но выпускал её холодно, капля за каплей. Адская насмешливость была характерной чертой его жестокости. Он играл отрубленными им головами. В одном из писем он рассказывает, зубоскаля, как он велел обезглавить изменившего ему парламентского советника, адвоката Ударта де Бюсси. «А для того, чтобы его голову можно было сразу узнать, – пишет король, – я велел нарядить её в меховой колпак, и она находится сейчас на Хесденском рынке, где он председательствует». В другом письме, торопясь отправить на тот свет неверного слугу, он весело советует своему дворецкому скорее «сделать приготовления к свадьбе этого молодчика с виселицей».

История, может быть, и простила бы ему или, по крайней мере, закрыла бы глаза на явные казни, тайные удавливания, деревья, увешанные висельниками, – все эти акты монаршего правосудия, неизменные для всех царствований со времен фараонов; но со страниц хроник того времени против него вопиют голоса более громкие, чем тысячи жертв льежской резни. Как забыть, например, историю Жана Бона, которого Людовик XI сначала приговорил к смерти, а затем, по особой милости, удовлетворился тем, что выколол ему оба глаза. «Было донесено, – говорит современник, – что поименованный Жан Бон видит ещё одним глазом. Вследствие чего Гино де Лазьяр, чрезвычайный судья при королевском дворе, по приказанию вышеупо-

мянутого государя, отрядил комиссию из двух лучников дабы, если он видит ещё, сделать ему прокол глаза до полной слепоты».

Король изобретал казни со злобной фантазией художника пыток. Бастилия при нем украсилась двумя нововведениями. Первым были железные клетки, где заключённый не мог ни встать, ни лечь. Епископ Верденский Вильгельм де Горакур провёл в такой клетке, согнувшись в три погибели, десять лет. Король питал к этим клеткам особые чувства и ласково называл их своими доченьками (*fillettes*).

Другим изобретением, отличавшимся ещё более утончённой жестокостью, была так называемая комната ублиеток, или подземная тюрьма (от фр. *oublier* – забывать, предавать забвению), находившаяся в башне Свободы. Сюда приводили особо ненавистных королю людей, чтобы заставить их в последний раз испытать весь ужас внезапного перехода от надежды к отчаянию. Комендант Бастилии встречал узника в «комнате последнего слова» (*chambre du dernier mot*). Это было обширное помещение, тускло освещённое лишь одной лампой, бросавшей слабые блики на кинжалы, шпаги, пики и огромные цепи, которыми были увешаны стены. Здесь заключённому устраивался последний допрос с целью узнать имена сообщников, если таковые не были названы им ранее. Затем комендант отводил жертву в другую комнату – очень светлую, прекрасно меблированную, благоухавшую цветами. Это и была комната ублиеток. Усадив узника в удобное кресло, комендант угощал его и обещал скорое освобождение. Как только несчастный начинал верить в близость свободы, пол под ним проваливался, и он падал в узкий колодец на колесо с укрепленными в нем острыми ножами. Невидимые руки приводили колесо в движение, постепенно превращая тело человека в грудку окровавленного мяса.

Счётная книга короля хранит мрачное изобилие кандалов и засовов, списками которых покрыты целые страницы; ими можно было оборудовать не одну, а несколько Бастилий. «Мастеру Лоренсу Волм, – читаем там, – за большие кандалы двойной закалки, большую цепь со звонком на конце, которые он сделал и сдал для заключения мессира Ланселота Бернского – тридцать восемь ливров. За пару кандалов с толстыми цепями и гирями для закования двух военнопленных из Арраса, охраняемых Генрихом де ла Шамбр, шесть ливров. За железо с закалёнными кольцами, с длинной цепью и со звонком на конце и за наручники для других пленников – тридцать восемь ливров. За кандалы с наручниками, с поножнями, заклёвывающиеся на шее и поперёк тела для одного узника – шестнадцать ливров. Вышеупомянутому мастеру Лоренсу Волм – сумма в пятнадцать турецких ливров и три су в возмещение расходов на постройку трех кузниц в Плесси-дю-Парк для выковки железной клетки, которую вышеупомянутый сеньор приказал там построить», – и так без конца.

Сказав все это, тем не менее приходится согласиться, что Людовик XI сделал очень благое дело. Он питал подлинную страсть к собиранию государства. Франция обязана ему своими лучшими провинциями: Пикардией, Бургундией, Руссильоном, Провансом, Меном, Анжу, Дофине и другими – в общем счёте четырнадцать феодальных владений, присоединённых к королевскому домену.

«Я сражаюсь против всемирного паука!» – однажды в отчаянии воскликнул однажды Карл Смелый, видя бессилие своей львиной доблести против интриг Людовика XI.

На закате жизни, когда он стал сдавать и становиться всё более мрачным, Людовик полюбил покидать двор, чтобы проводить время в обществе незнатных людей и простолюдинов. В последние годы он совсем заперся за решётками в своей крепостной башне в Плесси и развлекался только тем, что охотился на мышей с маленькими собачками, специально адресированными для этой игры. На протяжении всей жизни он по-настоящему доверял только двум людям: своему цирюльнику и своему палачу.

Суды любви

Во Франции, в период правления Капетингов (между 1150 и 1200 годами), существовал удивительный институт куртуазного общества под названием «Суды любви». Заправляли в них, разумеется, дамы.

В трактате капеллана при французском дворе Андре «О любви» перечислены следующие любовные суды: Эрменгарды, виконтессы Нарбоннской (1144—1194); королевы Элеоноры Аквитанской¹⁷, состоявшей в первом браке с Людовиком VII Французским, а во втором — с Генрихом II Английским; графини Фландрской; графини Шампанской (1174); гасконских дам.

В свою очередь, Жан Нострадамус («Жизнеописания провансальских поэтов», XVI в.) приводит имена некоторых дам, которые председательствовали в «Судах любви» в Пьерфе и в Сине: Стефанета, владелица Бо, дочь графа Прованского; Адалария, виконтесса Авиньонская; Алалета, владелица Онгля; Эрмисенда, владелица Покьера; Бертрана, владелица Юргона; Мабиль, владелица Пьерфе; Бертрана, владелица Синя; Жосеранда де Клостраль.

На «Судах Любви» велись своеобразные прения — тенцоны. Их участниками были рыцари-поэты, с одной стороны, и дамы-поэтессы, с другой. Рассмотрению обыкновенно подлежал какой-нибудь тонкий любовный вопрос. Если стороны не могли прийти к соглашению, в спор вступали знаменитые дамы-председательницы, которые и выносили приговоры.

Форма приговоров на «Судах Любви» соответствовала подлинным судебным формулам той эпохи.

Графиня Шампанская, в приговоре от 1174 года, объявляет: «Сей приговор, который мы вынесли с крайним благоумием, опирается на мнение весьма многих дам...»

В другом приговоре сказано: «Рыцарь, по причине обмана, коему он подвергся, доложил обо всем этом деле графине Шампанской и смиренно ходатайствовал о том, чтобы проступок этот рассмотрен был судом графини Шампанской и других дам. Графиня, призвав к себе шестьдесят дам, вынесла следующий приговор...» и т. д.

Что касается кары, возлагавшейся на лиц, не повиновавшихся приговорам «Судов любви», то известно, например, решение «Суда любви» гасконских дам, который объявлял, что его приговоры должны соблюдаться как неизменное установление и что дамы, которые не будут повиноваться им, будут наказаны враждою каждой порядочной дамы.

Причем источники не сохранили ни одного случая уклонения от приговоров «Судов любви».

Вот текст одного приговора, вынесенного «Судом любви», не утерявшего актуальность и в наши дни:

Вопрос: «Возможна ли истинная любовь между лицами, состоящими в браке друг с другом?»

Приговор графини Шампанской: «Мы говорим и утверждаем, ссылаясь на присутствующих, что любовь не может простирать своих прав на лиц, состоящих в браке между собою. В самом деле, любовники всем награждают друг друга по взаимному соглашению совершенно даром, не будучи к тому понуждаемы какой-либо необходимостью, тогда как супруги подчиняются обоюдным желаниям и ни в чём не отказывают друг другу по велению долга...»

¹⁷ Дворы её дочери графини Марии Шампанской и племянницы графини Изабеллы Фландрской в Пуатье, Труа и Аррасе, являлись самыми блестящими центрами куртуазной культуры последней трети XII века. В этот период при Шампанском дворе творили многие поэты, в т. ч. прославленный Кретьен де Труа.

Пусть настоящий приговор, который мы вынесли с крайнею осмотрительностью и согласно мнению большого числа других дам, будет для вас истиной, постоянной и неоспоримой. Постановлено в 1174 году в третий день майских календ, индикта VII».

Интересно, что этому необычному решению «большого числа дам», согласно правилам «Судов любви», по-видимому, оппонировали рыцари-поэты – защитники любви в браке...

Спустя два столетия «Суды любви» возродились, но уже в виде игры и развлечения.

В разгар чумы, опустошавшей Париж, герцог бургундский Филипп Храбрый и герцог Людовик Орлеанский попросили короля учредить суд любви (*cour d'amours*), «дабы проводить часть времени с большей приятностью и тем пробуждать в себе новые радости». Данный «Суд любви» был основан 14 февраля 1401 года.

В основу суда были положены добродетели смирения и верности «во славу, хвалу, назидание и служение всем дамам, равно как и девицам».

Многочисленные члены суда были наделены громкими титулами. Так оба учредителя и король были Главными хранителями. Среди просто Хранителей были Иоанн Бесстрашный, его брат Антуан Брабантский и его малолетний сын Филипп. Здесь были многочисленные Министры, Аудиторы, Рыцари чести, Советники, Рыцари-казначей, Великие Ловчие, Оруженосцы любви, Магистры прошений и Секретари. Кроме титулованных особ и прелатов, там можно было обнаружить и бюргеров, и духовенство низшего ранга.

Деятельность суда и церемониал были подчинены строжайшему регламенту. Члены суда должны были обсуждать полученные ими рефрены в установленных стихотворных формах: балладах, канцонах, плачах, рондо и т. п. Должны были проводиться дебаты «в виде судебных разбирательств дел о любви».

Дамы должны были вручать призы, и было запрещено сочинять стихи, которые затрагивали бы честь женского пола. Данное сообщество насчитывало примерно семь сотен участников. Оно просуществовало около пятнадцати лет, и было прекрасной придворной игрой.

Известно, что в XV веке «Суд любви» воспроизвёл вышеупомянутое решение графини Шампанской. Один рыцарь обратился в «Суд любви», заявив, что он и другой рыцарь любили одну даму, которая, в свою очередь, любила второго рыцаря, но обещала уступить истцу, если она разлюбит своего избранника. Немного позднее дама благополучно вышла замуж за второго, и первый рыцарь потребовал исполнения дамой своего обещания.

Суд торжественно постановил: иск рыцаря справедлив, ибо между мужем и женой любви быть не может. Иначе говоря, обязал замужнюю женщину переспать с любовником. Впрочем, никакой обязательности в решениях «Судов любви» этого времени уже не существовало.

Тамерлан и Баязет, или Ирония Всевышнего

Великий эмир и полководец Тамерлан, или «железный хромец», как его называли, провёл в войнах всю свою жизнь. Но лишь однажды судьба свела его с равным противником – одноглазым турецким султаном Баязетом, который, как и Тамерлан, ещё ни разу не вкусил горечи поражения.

В 1402 году войска двух величайших правителей Востока встретились на равнине близ Анкары. В разгар сражения 30 тысяч крымских татар, поставленные Баязетом в первой линии, перешли на сторону врага. Однако исход битвы оставался неясным до тех пор, пока Тамерлан не двинул в атаку 32 индийских слона, которые и решили дело. Турецкая армия была наголову разгромлена, а Баязет доставлен пленником к шатру Тамерлана.

«Железный хромец» долго молча рассматривал пленника и, наконец, разразился громким смехом. Исполненный негодования Баязет гордо сказал:

– Не насмехайся, Тамерлан, над моим несчастьем! Знай, что царства и империи раздаёт Бог, и завтра с тобой может случиться то, что со мной случилось сегодня.

На это победитель отвечал с глубочайшей вежливостью:

– Я знаю не хуже тебя, Баязет, что Бог раздаёт царства и империи. И я не насмехаюсь над твоей несчастной судьбой, избави меня от этого Господь. Но когда я рассматривал твоё лицо, мне пришла в голову мысль, что эти царства и империи должны быть перед Богом вещами самыми незначительными, раз Он раздаёт их таким людям, как мы с тобой: несчастному кривому на одни глаз, как ты, и жалкому хромоту, как я.

Размышлять над иронией всемогущего Провидения Баязету пришлось в железной клетке – такой низкой, что она служила Тамерлану подножкой, когда он садился на коня. А в часы досуга «железный хромец» заставлял несчастного пленника смотреть на его жён и дочерей, которые в полунагом виде прислуживали за столом. Всего этого оказалось достаточно, чтобы спустя 8 месяцев гордый султан испустил дух.

Король и его «милашки»

Вопрос о том, имеют ли право монархи на личную жизнь, могут ли они оставаться самими собой в своих личных вкусах и пристрастиях, если последние оскорбляют устои или просто предрассудки общества, волновал людей давно – ещё с тех времён, когда девятнадцатилетний римский император Гелиогабал, возведённый на трон пьяными преторианцами, стал красить лицо, подводить глаза и одеваться женщиной, потом принял титул императрицы, публично вступал в брак с солдатами и гладиаторами, ездил на колеснице, запряжённой обнажёнными куртизанками и, наконец, объявив себя жрецом Солнца, торжественно справил свадьбу Луны с дневным светилом. Римляне терпели эти причуды года два, после чего обзавелись другим императором.

Порой кажется, что изучение истории возможно только при помощи метода сравнительных жизнеописаний. Спустя тринадцать веков католической Франции суждено было увидеть своего христианнейшего короля Генриха III в женском платье и называть его женским титулом.

Он был сыном Генриха II и Екатерины Медичи и в молодости, во время царствования Карла IX Валуа, своего брата, носил титул герцога Анжуйского. Когда он был ребёнком, фрейлины королевы Екатерины часто забавлялись с ним, наряжая в женское платье, опрыскивая духами и украшая, как куклу.

От такого детства у него остались не совсем обычные привычки – носить плотно облегающие камзолы, кольца, ожерелья, серьги, пудриться и оживлять губы небольшим количеством помады.

Впрочем, в остальном он был вполне нормальным принцем: участвовал во всех придворных попойках, не пропускал ни одной юбки и даже, по свидетельству хрониста, заслужил славу «самого любезного из принцев, лучше всех сложенного и самого красивого в то время».

Генрих знал не только мелкие интрижки, но и всепоглощающую страсть. Как-то во время бала, хорошенькая Мария Клевская, жена принца Конде, выбежала в соседнюю с бальной залой комнату, чтобы сменить на себе рубашку, мокрую от пота после бурного танца. Через некоторое время туда же зашёл Генрих. Думая, что берет полотенце, принц взял рубашку Марии и провёл по лицу. Тут же, говорит современник, он «проникся безграничной любовью к обладательнице этого благоуханного и ещё хранившего тепло белья».

Узнать, кому принадлежит рубашка, было делом несложным. После короткой, но страстной переписки, Мария позволила принцу носить на шее свой миниатюрный портрет. Счастье, однако, было недолгим.

В 1573 году в результате невысказанных интриг Екатерина Медичи добилась избрания Генриха на польский престол. Королева-мать стремилась таким способом уладить отношения между ним и его братом, Карлом IX, занявшим французский трон. Но Генрих и в Польше всей душой, всеми мыслями пребывал во Франции – не только потому, что считал французский престол единственным достойным престолом в мире, но также по той причине, что в Париже он оставил несравненную Марию – предмет его страстных и, почему бы не сказать? – возвышенных переживаний. Одно время даже думал похитить её у принца Конде и, добившись от папы разрешения на развод, жениться на ней. Судьба распорядилась иначе.

Генрих очень скоро заметил, что польский государь отнюдь не обременён государственными заботами, от которых его старательно освобождали министры и сенаторы; на его долю выпадали только пиры и звериная ловля. Совершенно забросив польские дела, в которых, впрочем, он все равно ничего не смыслил, Генрих всецело предался своему любовному томлению. Он грезил, запершись от всех в своём кабинете, или писал Марии Клевской бесконечные послания, подписанные его собственной кровью; внезапно прервав заседание Государственного совета, он уходил к себе, чтобы немедленно отправить в Париж несколько внезапно при-

шедших ему на ум нежных строк; во время докладов министров он любовно рассматривал миниатюрный портрет своей возлюбленной, с которым никогда не расставался; поступавшие к нему дипломатические депеши были исписаны на обороте стихами его собственного сочинения...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.